

A young woman with long, straight brown hair is looking out of a window. The background outside the window is filled with vibrant autumn leaves in shades of red, orange, and yellow. The scene is softly lit, suggesting an indoor setting with natural light from the window.

Элис Миддл

Я люблю тебя, Патрик Грин

Мое имя Валери. Валери Стоун. И это моя история. В свои семнадцать я пережила многое, чем горжусь и о чем сожалею. Мне сложно вспоминать о многом, но я обязана написать эту книгу, иначе боль в моем разбитом сердце никогда не заживет. Я хочу рассказать о Патрике — высоком рыжеволосом парне с пронзительно-зелеными глазами, — и обо мне. О нашей любви, о моем предательстве...

Привет, мой друг. К сожалению, я тебя никогда не видела, да и навряд ли увижу. А все потому, что я тебя только что выдумала. Да, ты просто плод моего воображения. И только с тобой я могу быть предельно откровенной. Только тебе я могу поведать свои сокровенные тайны, рассказать какую-нибудь глупость или же высказать все, что у меня наболело. Ты меня никогда не предашь. Именно поэтому я и хочу поведать тебе историю моей любви.

Мое имя Валери. Валери Стоун. И это моя история. В свои семнадцать я пережила многое, чем горжусь, чем дорожу и о чем сожалею. Мне сложно вспоминать о многом, но я обязана это сделать, иначе боль в моем разбитом сердце никогда не заживет. А я верю, что в мире нет лекарства от этой болезни, разве что откровенный разговор с «другом». Настоящих друзей у меня нет, а так — всего лишь приятели, да знакомые, с которыми всегда будешь следить за сказанными тобой словами.

Я родилась в обеспеченной — по меркам небольшого города в штате Северная Каролина — семье. Мой отец — биржевый брокер, со всеми вытекающими из этого последствиями. Спустя годы — если мне удастся дожить до старости — я, скорее всего, даже не вспомню его голоса. В моей голове будет всплывать лишь образ вечно сосредоточенного человека в круглых очках, белой рубашке, что читает свежую газету и пьет кофе из такой же белой чашки большими глотками. Он вечно занятой человек, и у него нет времени на разговоры со мной или же с моей младшей сестрой.

Возможно, большинство из нас может сказать что-то похожее о своем отце, заметив, что для воспитания девочек нужна в первую очередь мать. Не знаю. Скорее всего, это «большинство» окажется правым. Да только моя мать ничем не уступала отцу. Она была типичной домохозяйкой, с бурным прошлым, в котором было много фотосессий, перелетов в жаркие страны на частных самолетах, брызг шампанского и черной икры. До замужества она могла «похвастаться» многочисленными половыми связями с толстосумами, фотографами или же смазливymi коллегами по цеху мужского пола. Моя мать была в прошлом успешной фотомоделью. Она часто любит разглядывать свои давние фотографии в стиле ню, в компании себе подобных дамочек бальзаковского возраста из той же профессии и вспоминать о бурной молодости, которая, казалось, никогда не пройдет. Эти беседы вечно заканчиваются сожалениями о прошедших годах, обсуждением новых морщинок у глаз или найденных в ухоженных волосах прядей седых волос. А еще она вечно напоминает своим подружкам, себе, а заодно и мне (иногда я подслушиваю их разговоры), о том, что рождение детей было чуть ли не самой главной причиной ее раннего старения. Говорит она об этом, как правило, после третьего или четвертого бокала мартини, при этом потягивая тонкие ментоловые сигареты и пуская дым в потолок. Видимо такой она сама себе кажется все еще сексуальной и желанной.

Здесь я с ней соглашусь. Моя мать, несмотря на возраст, все еще выглядит очень и очень привлекательной. Она всегда была красоткой. Ее внешность досталась по наследству и моей двенадцатилетней сестренке. А вот я — вылитый отец! Особенно, когда хмурю брови. Разве что проплешины на макушке не хватает.

Да, природа меня не одарила сногшибательной красотой. Хотя есть парни, которые считают меня симпатичной. Ну, в их возрасте все девчонки кажутся привлекательными. Они готовы тебе твердить об этом днями напролет, лишь бы в конце добиться своего — доступа в

трусики.

В семнадцать у меня случился первый сексуальный опыт. Его звали Шоном. Мы познакомились с ним на вечеринке у общего друга. Он мне показался очень классным: высокий, стройный, с густыми черными волосами, с обалденной улыбкой, да еще учащийся в колледже. Такие как он быстро находят общий язык с девушками. Я не стала исключением. На вечеринке было немало симпатичных и свободных моих сверстниц, но он подошел именно ко мне. Уж не знаю, чем я его зацепила. Видимо всему виной мой «природный магнетизм». Говорят, что он есть у немногих людей, но на него реагируют также как собаки на ультразвук. Будь ты толстухой или уродиной — все равно. Если ты счастливая обладательница «магнетизма» отбоев от парней у тебя не будет.

Мой «магнетизм» не всегда проявлял себя. Включается он по собственному желанию и отключается по тому же принципу. Понятие не имею, как это работает. Да это и неважно на данный момент, куда важнее, что он сработал в ту ночь, и Шон заметил среди всей толпы именно меня, а не кого-то другого.

Я сидела у стола и потягивала только что налитый себе в стакан пунш, когда он словно спаситель человечества, медленно приближался ко мне, лавируя мимо пьяных веселящихся парней и их подружек. По пути к столику с напитками с ним попытались заговорить две девчонки. Если одна ничего собой не представляла, то другая — Сара Грейбл — была шикарной брюнеткой с третьим размером груди. Мое бешено колотящееся от волнения сердце уже было готово остановиться и покрыться трещинами от разочарования, но Шон что-то бросил ей на прощание и все же предстал передо мной как истинный рыцарь в сияющих доспехах. Богом клянусь, я даже видела ареол света, искрящийся над его головой.

Он заговорил первый. Я в таких моментах быстро теряюсь и долго не могу найти нужных слов, которые было бы уместно сказать в ответ. Но в этот раз все шло как никогда складно. Слово за слово, он пригласил меня на танец, затем на стакан более крепкого напитка, чем пунш, а уже спустя два часа после нашего с ним знакомства, мы целовались на заднем сиденье его «форда». В тот день я впервые узнала, что такое «французский» поцелуй, минет и, конечно же, секс. Не спорю, мне было больно, в определенный момент даже очень. Но, со временем боль ушла, сменившись настоящим блаженством: разноцветными волнами в голове, дрожью в пальцах и приятным щекотанием в области солнечного сплетения.

Он отвез меня домой и пообещал, что обязательно позвонит. Я ему поверила и как дура ждала звонка на протяжении двух дней, пока не вспомнила, что не знаю его номера телефона, а моего он не просил.

Глупа, скажешь? Да, без сомнений. Видимо, мой «магнетизм» снова дал сбой сразу же после завершения полового акта (назвать это «занятием любовью» у меня язык не поворачивается).

Мое первое разочарование в парнях могло бы закончиться на этой поучительной ноте, если бы не тот случай, что произошел со мной в понедельник, когда я отправилась в школу. Еще в автобусе мне казалось, что две девчонки старше меня на год, сидевшие на заднем сиденье, весело смеялись и что-то бурно обсуждали, с трудом сдерживая свои мерзкие голосишка в пределах еле слышного шепота. Когда я поворачивалась в их сторону, они отводили взгляд к окну, делая вид, что источник их смеха находился где-то за пределами салона школьного автобуса.

Такое же веселье встретило меня и в школьном коридоре. Здесь надо мной хихикали не только девчонки, но и мальчишки. Последние не слишком скрывали свое веселье. Один даже

изобразил мерзкий жест в мой адрес: он сжал ладонь в кулак и поводил им несколько раз у своего паха. Тогда мне все стало ясно.

Что именно «ясно», спросишь ты? Я решила, что кто-то из девушек, возможно даже кто-то из моих одноклассниц, видели нас с Шоном в машине в тот вечер, и обо всем проболтался. Да, со мной в классе учились не мало стервозин, не умеющих держать язык за зубами. Но, почему-то мне и в голову не пришло, что «болтуном» мог быть сам Шон. К счастью, наивной мне оставалось быть не так долго. Очень скоро я поняла, кем был Шон на самом деле. Никаким «рыцарем в сияющих доспехах» — а обычным негодяем и мерзким типом. Одной из тех, кто «открыл мне глаза» была Сара Грейбл — грудастая брюнетка. Она рассказал мне, что у нее тоже были краткосрочные отношения с Шоном, и на вечеринке она пыталась подойти к нему только потому, что хотела с ним объясниться. Он, конечно же «отшил» ее тогда, ведь на горизонте «маячил» очередной трофей — в моем лице, — который пока еще отсутствовал в его коллекции.

Я бы предпочла забыть о Шоне. Если не полностью выветрить его из своей головы (чего бы мне очень сильно хотелось), то хотя бы на страницах своего рассказа. В конце концов, я ему и так слишком много времени уделила. Чтобы понять причины последующих событий, косвенно связанных с этим этапом моей жизни, было сказано, думаю, достаточно.

Эта история ведь не обо мне и Шоне-предателе. А о Патрике и обо мне-предательнице.

Да-да, я не оговорила. В этой истории я хочу рассказать о том, насколько я подло обошлась с парнем по имени — Патрик. И еще, прежде чем я продолжу, хочу добавить: «Патрик Грин, я люблю тебя».

Патрик — высокий рыжеволосый парень с пронзительно-зелеными глазами — жил ниже по моей улице. Он на год старше меня, но окончил школу лет пять назад. Вернее его исключили из школы. Ходили слухи, что причиной тому стала кража некой суммы денег из шкафчика другого школьника. Я никогда не задавалась вопросом: правда это или нет? Виной тому были две причины. Первая: мне не было никакого дела до Патрика Грина в те дни. Вторая: у «ирландца» (такое у него было прозвище, хотя, как я узнала потом, он был родом из Норвегии) всегда была плохая репутация. Патрик этой репутацией дорожил. А все потому, что ему нравилось, когда его никто не донимал и даже побаивались.

Попробовать «травку»? Легко! Выпить спиртного? Без проблем! Подраться с кем-нибудь? Раз плюнуть! Именно таким он казался со стороны.

Наше более близкое знакомство началось около полугода назад, одним вечером, когда я покинула родительский дом втихаря, злая на весь белый свет. Причиной тому были мои родители. Они узнали о слухах, которые ходили обо мне в школе. Они решили, что их старшая дочь уже давно развлекается с мальчишками на задних сиденьях автомобилей.

Они кричали на меня, я пыталась оправдываться. Но терпение мое лопнуло, когда мать заявила, то своим поведением я позорю всю семью. Уж лучше она бы вlepила мне пощечину.

— Я позорю?! — закричала я, да так громко, что младшая сестренка не выдержала и выглянула из своей комнаты, спрятавшись за перилами. Судя по ее ехидной кривой улыбке, она была рада быть не на моем месте. — Да в отличие от моих одноклассниц, которые давно лишились девственности, а некоторые встречаются с двумя парнями одновременно, у меня было только один-единственный раз! — Спустя паузу, я быстро добавила. — С одним парнем!

— Это не совсем то, чего хотят услышать родители от своей дочери во время разговора на такие темы! — нравоучительно заметил отец, поправляя очки на своем носу.

— Если в первый раз ты так легко отдалась первому-встречному, то где гарантии, что больше такое не повторится?! — воскликнула мать на высокой ноте. — А ведь «джин из бутылки» уже вырвался на волю и теперь его уже не затолкнуть обратно.

— Только не надо меня сравнивать с собой! — выпалила я, и тогда моя мать сделала как раз то, что я упоминала чуть выше: она со всего размаха ударила меня ладонью по лицу.

— Марш в свою комнату! — поддержал отец выпад матери. — Ты наказана!

Мне хотелось выть от злости, но я сдержала свои эмоции и быстро поднялась на второй этаж и скрылась за дверью своей комнаты.

Там я пролежала в своей постели около часа, уткнувшись в подушку, которую потом можно было выжимать из-за обилия слез. В дни, когда мне было очень плохо, мне нравилось читать книжки о несчастной любви или слушать грустные песни. Эти отдушины помогали мне найти «свет» в черной пучине несправедливости бытия. Но сегодня мне не хотелось читать и слушать музыку. Куда заманчивее казалось идея — сбежать из дома.

Так я и поступила.

Открыв окно, я пробралась на крышу. А оттуда спустилась вниз по сточной трубе. К счастью высота была не большой. Да и делала я это не в первый раз, а потому падение мне не грозило.

Бежала я вниз по улице. Ветра вроде не было, но во время бега я чувствовала холод воздушного потока, противостоящего моему телу. Он высушил мои слезы, а усталость помогла избавиться от дурных мыслей, связанных с семейной ссорой. Чем дальше я отдалялась от дома, тем легче мне становилось на душе. Вскоре я позабыла о конфликте с родителями, зато вспомнила о Шоне. Мне так хотелось сделать ему больно, что я даже простонала от своего бессилия. Мне оставалось только фантазировать, как я ему причиняю (не физическую, а душевную) боль, а он стоит передо мной на коленях и просит меня о прощении. Я же остаюсь непреклонной, разворачиваюсь и ухожу в светлое будущее, оставляя его во мраке прошлого.

Мне так понравилась эта фантазия, что я решила, во что бы то ни стало отомстить Шону. А если и не ему непосредственно, то любому другому парню, который бы это заслужил.

В этот самый момент я и повстречалась с Патриком Грином.

— Привет, красотка, — поздоровался он со мной, давя ботинком выброшенный окурок. — Заблудилась?

— А тебе-то что? — накинулась я на него, разве что не с кулаками.

— Да ничего. — «Ирландец» пожал плечами и усмехнулся. — Прогуляться со мной не хочешь?

Патрик — симпатичный молодой человек. Но я никогда не воспринимала его за парня, с которым можно было бы встречаться. А все потому, что мы были «разного поля ягодами». Он был трудным подростком. Воспитывался матерью, что работала в прачечной, горбатясь за гроши. Жили они в одноэтажной лачуге — странно, что не в трейлере. Машина у них была настолько старой, что ржавчина сыпалась с нее при каждой езде. А еще у него был брат по имени Мартин. Но его я видела только пару раз в жизни. Кажись, ему было около десяти лет, но в школу он не ходил: видимо брал пример со старшего брата.

Я уже хотела отшить его, как вдруг поняла, что «ирландец» как никто другой (разве кроме самого Шона) подходил на роль жертвы моей беспощадной мести всем парням, которые пользовались дурочками вроде меня, после чего распускали о них грязные сплетни. И хотя я ни разу не слышала, чтобы Патрик плохо поступил с какой-нибудь девушкой, это совсем не значило, что он был не таким. Тем более что о нем ходило много других разных слухов.

— А если я соглашусь, куда ты мы пойдем? — спросила я, а сама в уме уже начала быстро подбирать разные варианты для своей мести.

— Ну, мы можем прогуляться по любой из улиц, к тому же сейчас мы на перекрестке. Прощу, выбирай любую. — Патрик слегка склонил голову и взмахнул рукою.

Воспринимай я его как обычного парня, я согласилась бы на его предложение, но мне очень хотелось быть сегодня самой настоящей злокой.

— Да ну, тебя. Придумай что-нибудь по-оригинальней.

— Оригинальней, говоришь? Хорошо, пойдем. — И протягивает мне свою ладонь.

— Куда?

— Увидишь.

Стоит признаться, но он меня заинтриговал, и я положила свою ладонь в его, чувствуя приятную дрожь во всем теле.

Мы прошли с полквартиры, взявшись за руки, после чего я отдернула руку, напомнив себе, что мы не пара, а: объект расплаты и вершитель правосудия.

— Тебя вроде Валери зовут, — тут же произнес он, как только моя рука выскользнула из его ладони.

— Вроде, — буркнула я. — А ты — «ирландец»?

— Уж спасибо тебе, что не «леприконом» обозвала, — парировал он, давая понять, что это прозвище ему не совсем по душе.

— Но ты ведь ирландец по национальности.

— Только если меня не обманывали всю мою жизнь. А так в моей семье ходит легенда, что я норвежец. Хотя мое имя и цвет волос дают повод в этом усомниться.

— И как там, в Норвегии? — спросила я, чтобы не дать ему возможность задать свой вопрос. Я решила, что в нашем диалоге я буду ведущей, а он — ведомым.

— Холодно. И пахнет рыбой. — Снова ответил он то ли в шутку, то ли в серьез. — Если представится повод, то я покажу тебе свой свитер с оленями — он заменяет паспорт в тех краях.

Сама того не желая, я засмеялась. Затем как можно сильнее прикусила губу, разве что не до крови. Нужно было взять себя в руки. Не стоило поддаваться слабости и западать на его обаяние. Следовало помнить о главной цели.

— А ты...

— Ты вроде не учишься, — перебила я его. — Тогда почему не работаешь?

— А кто тебе сказал, что я не работаю?

— Ну, не знаю, я никогда тебя не видела одетого в рубашку и галстук, не замечала, чтобы ты водил такси, раздавал рекламные листовки. Да и пиццу ты ни разу не привозил, когда мы ее заказываем.

— Это потому, что я не работаю ни в одной из упомянутых тобой профессий, — без намека на обиду за мои колкости, ответил он. — Я работаю на мойке. А еще подрабатываю в разных местах, когда есть время и предложение.

— Да ты настоящий работяга. Странно, что о тебе ходят разные слухи.

— Это какие? — уточнил он, спрятав руки в карманы брюк и пиная небольшой камешек носками своих красавок.

— Думаю, ты и сам о них слышал.

— И все же.

— Ну, что ты употребляешь наркотики.

— Нет, — наморщил он нос. — Даже если я бы и хотел это делать, у меня бы не хватило на них денег.

— То, что ты пьешь много спиртного.

— Терпеть его не могу. Мой отец был алкоголиком. Бил мать и меня. Меня тошнит от одного запаха спиртного.

— То, что ты часто лезешь в драки.

— Я редко бываю зачинщиком драк. И дерусь только тогда, когда у меня нет другого выхода.

— Еще я слышала, что тебя исключили из школы потому, что ты украл деньги у одного парня.

— Мне они были нужнее, чем ему.

— Так это правда?! — воскликнула я. Все это время я старалась не верить ни единому его слову, а тут, после столь неожиданного признания, задумалась о правдивости всех остальных ответов.

— Должен же был быть тот единственный правдивый случай, который затем дал пищу для вымыслов людям.

— И почему ты это сделал?

— Об этом я тебе расскажу на нашем пятом свидании.

«Вот самодовольный нахал» возмутилась я. «Не хватало, что нашу прогулку он назвал «свиданием», так еще решил, что будут и другие!».

— Это был единственный случай кражи в твоей жизни? — спросила я, как можно строже.

В ответ Патрик мне только улыбнулся, затем развернулся и сделал пару шагов спиной вперед.

— Мы пришли.

— Куда это? — спросила я, растерянно оглядывая высокую сетчатую ограду перед собой.

— Обещанное мной оригинальное местечко.

Патрик огляделся по сторонам, затем отодвинул в сторону фанерный лист и юркнул в появившийся лаз.

— Ну же, следуй за мной, — поманил он меня с другой стороны.

Не нужно было быть «доктором наук», чтобы понять: «ирландец» пытался меня заманить на частную территорию, проникновение на которую, как минимум, каралась денежным штрафом. Стараясь не думать о последствиях, я последовала за ним. И только оказавшись по другую сторону сетки, меня посетила мысль, что мои «предки» придут в бешенство, если после нашей сегодняшней разгоряченной беседы, я вернусь домой на заднем сиденье патрульной машины.

Патрик приложил палец к своим губам, после чего поманил меня за собой. Я решила не отставать от него.

Мне доводилось слышать, что на этой закрытой территории находился карьер. Правда, что здесь добывали, у меня не было ни малейшего представления. Меня это мало заботило.

Мы поднялись на высокий холм. В небе уже светила полная луна. Над головой летали мотыльки. Ночь было звездной и все вокруг казалось очень красивым. Но еще красивее стало спустя минуту.

Патрик остановился у крутого обрыва, после чего снова сунул руки в карманы брюк, нахохлившись. Поглядев на него я поняла, что вечер был и вправду прохладным. Особенно в этом месте, где я оказалась с малознакомым парнем.

— Ну, как тебе?

У меня не было слов. На утесах росли желтеющие деревья. Некоторые тянулись вверх, а другие — склоняли кроны набок. А на самом дне карьера расстилалась водная гладь, в которой отражалось ночное небо. Тишину живописного места нарушал лишь стрекот сверчков, да кваканья лягушек.

— Патрик, здесь очень красиво, — искренне ответила я, замороженно глядя по сторонам. — Я и представить себе не могла, что увижу здесь столь необычную картину.

— Давай присядем.

Патрик первым сел на каменистый выступ и свесил ноги с обрыва. Я, боязливо, подобралась к нему и сделала то же самое. Сама себе я казалась глупой девочкой, которая из-за накопившихся проблем, была готова спрыгнуть вниз, в надежде распрощаться с жизнью. Меня всегда пугала высота, особенно если порода под ногами была сомнительной

твердости. Мы вроде бы сидели на монолите, но мысли о том, что он в любой момент мог надломиться и скинуть нас в пропасть, не покидали меня.

— Тебе страшно? — спросил Патрик. Он не мог видеть в сумерках моего выражения лица, но мог догадываться о моих чувствах.

— Нет, — решила я на обман. — Просто нужно привыкнуть.

— Мне вначале тоже было страшно, — подловил он меня. — Но, когда страх уходит, остается чувство умиротворения и покоя. А еще что-то, схожее с влюбленностью.

— Не думаю, что это место действует на всех одинаково.

— Согласен. Но, на тебя оно подействует так же, как и на меня. Ведь мы с тобой похожи.

— Разве? И в чем же мы с тобой похожи, Патрик Грин?

— Точно не знаю. Но, уверен, что скоро мне это тайна откроется.

— Не забудь поделиться ею со мной, — ехидно усмехнулась она.

Мы замолчали, и только сейчас я поняла, что страх на самом деле ушел, оставив после себя покой и тишину. Чувство влюбленности, правда, не пришло.

— Ты часто приходишь сюда? — спросила я.

— Когда как. В последний раз я был здесь больше месяца назад.

— Наверное, с какой-нибудь наивной дурочкой.

— Да нет — один. Наивную дурочку в нашем городе не так просто найти. — Затем он повернулся ко мне лицом и добавил. — А еще сложнее встретить милую умную девушку, с которой было бы одинаково приятно поговорить и помолчать. Рад, что в этот день мне улыбнулась удача.

«Вот, черт, неужели это мой «природный магнетизм» вновь дает о себе знать», подумала я. А еще почувствовала, что к тишине и покою медленно, но уверенно подбирается влюбленность.

Я тут же поспешила охладить свою голову и напомнить себе, что «ирландец» ни чем не лучше Шона, и что я не имею ни малейшего права в него влюбляться. Ни-ни-ни! Даже симпатию к нему стоило гнать прочь от себя.

— Жаль, что милых умных девушек в нашем городе мало, — включали я язву. — А милых и умных парней — и вовсе нет.

Я ожидала от него любой реакции, но только не смех. Смеялся он явно искренне и с удовольствием. От чего и я сам засмеялась, непроизвольно поправив прядь волос — первый признак, что девушка уже готова влюбиться в парня. Поймав себя на этом, я снова укусила себя за нижнюю губу, напоминая себе о правилах, установленных мной самой.

— Да, с хорошими парнями в нашем городе дела обстоят просто кошмарно, — согласился он со мной, доставая пачку сигарет из кармана. — Хочешь?

Мне хотелось сказать, что я не курю, но вместо этого я взяла одну сигарету. Курить до этого мне не приводилось. Он поднес ко мне зажигалку, и я сделала глубокий вдох. Конечно же, я тут же закашлялась.

— Осторожнее. Не стоит так сильно вдыхать. Это у тебя в первый раз?

«Так-так, надеюсь, этот вопрос не всплывет в дальнейшей беседе в другом контексте», подумала я, качая головой.

— Нет. Просто у тебя слишком крепкие сигареты.

— Извини. У тебя есть парень?

Вопрос застал меня врасплох, отчего я снова закашлялась. «Вот так, я потеряла

бдительность и позволила ему взять инициативу в разговоре», заволновалась я. «Да еще упустила столь провокационный вопрос. Сама виновата! Теперь придется отвечать».

Мне хотелось солгать ему и сказать, что парень у меня есть и зовут его «Шоном», но быстро отмела эту идею. Мне не хотелось быть подружкой Шона, пусть даже и мнимой.

— Нет. И мне не хочется заводить сейчас отношений.

— Отчего же?

— Просто не хочу! — попыталась я быть жесткой, дабы завершить данную тему. Он понял мой посыл и больше ничего не произнес.

Наблюдая за тем, как он молча курит, выдыхая белый дым, и пристально глядит на водную гладь под нашими ногами, я не выдержала и заговорила:

— Ну а ты? Скольким девушкам ты успел разбить сердце за прошедшее лето?

— Ни одной, — спокойно ответил он мне. — Скорее наоборот: я был тем, кому сделали больно.

После этих слов любая девчонка захотела бы пожалеть парня: прижать его к своей груди и погладить по головке. Я не была исключением, мне тоже захотелось обнять его и попробовать на ощупь его волосы. Какими они были: мягкими или жесткими?

— Может, расскажешь? — спросила я.

Он молчал около полминуты, докуривая сигарету. Выкинув окурок в пропасть, Патрик уже хотел было разоткровенничаться со мной, когда его не начатый рассказ, перебил чей-то крик.

— Эй! Что вы там делаете?!

— Это охрана карьера, — объяснил он мне, быстро вставая на ноги и помогая мне сделать то же самое. — Нам надо убираться отсюда. Да поскорее.

Из-за легкой вспышки страха, по моей спине побежали мурашки. Взявшись за руки, мы побежали обратно к лазу. Крик охраны подгонял нас, и мы бежали настолько быстро, как только могли. Мне было страшно, но еще мне было весело, как никогда и ни с кем.

Патрик подождал, пока я пролезу первой, затем пролез сам и закрыл дыру фанерой, побросав сверху сухих веток. Закончил он маскировать лаз до того, как из-за холма появился луч косога света и силуэт высокого мужчины.

— Стойте на месте! — закричал охранник нам вслед.

— Извини, приятель, но нам некогда! Мы и так засиделись у вас в гостях! — крикнул ему в ответ Патрик, после чего мы побежали сломя головы как можно дальше от карьера и забора. Бежали мы взявшись за руки, словно двое влюбленных, и такие ассоциации не вызывали у меня неприятных чувств. Скорее наоборот: придавали мне сил, и я уже не бежала, а летела на крыльях. И пусть эти крылья были хрупкими, но со времени они окрепли вместе с моей любовью к Патрику Грину.

Он проводил меня до дома и прежде чем мы распрощались, он взял с меня слова, что мы еще встретимся. Я пообещала ему это, уже сама не зная главной причины: чтобы довести до логического конца план своей мести или же, чтобы лучше узнать своего рыжеволосого соседа, живущего ниже по моей улице.

Проснулась я в хорошем настроении, и как бы я не пыталась напомнить себе о том, что Патрик был лишь объектом моей мести, у меня никак не получалось ухватиться за эту мысль. Но в чем не преуспела я, преуспел Роб Нельсон. Роб — тот парень, который делал неприличные жесты в мой адрес, после чего всем стало известно обо мне и Шоне.

Этот день в школе не стал исключением. Большая часть парней и девушек уже забыли об этом и теперь не хихикали за моей спиной. Только не Нельсон. Он продолжал донимать меня своими скабрёзными шуточками, когда я шла по коридору в класс, когда стояла у своего шкафчика или же в столовой. На обеде его колкости превысили все нормы дозволенности.

Я заказала себе салат и рыбное филе. Повар хотел мне добавить к салату и майонеза, но я отказалась, после чего тут же услышала за спиной его мерзкий голос.

— Отказываешься от майонеза, Стоун? А я-то думал, что ты не можешь прожить и дня без белой густой жидкости!

После этих слов он заржал и снова повторил свой мерзкий жест: поводил кулаком в области своего паха.

Вот тогда я уже не выдержала: поставив поднос на один из столиков, выбежала из столовой. Я влетела в женский туалет, закрылась в кабинке и дала волю чувствам. Я рыдала на протяжении всей перемены. Даже не пошла на урок — мне не хотелось, чтобы мое опухшее лицо и покрасневшие от слез глаза видели все одноклассники и учитель. А еще мне не хотелось видеть Роба Нельсона.

Приведя себя в маломальский вид, я покинула уборную, а затем и школу.

Я не стала возвращаться домой, так как не хотела объяснять матери, по какой причине прогуливаю уроки. Поэтому я решила пройтись.

Гуляла я по парку, затем заглянула в кафе, где съела фисташкового мороженого и выпила «Спрайта». Затем заглянула в парочку магазинов, разглядывая приглянувшуюся мне одежду и туфли, и даже не заметила как настало время, когда я могла вернуться домой, не вызывая ненужных расспросов.

В доме, как всегда, сохранялась холодная и молчаливая атмосфера. Мать произнесла дежурную фразу: «Если хочешь есть, поищи что-нибудь в холодильнике, а я иду — полежу в шезлонге у бассейна». Младшая сестренка сидела в своей комнате и общалась по «фэйсбуку» со своими школьными подружками, с которыми только что рассталась. В отличие от меня, она была очень популярной в своем классе и дружила практически со всеми девочками. С кем дружить, а с кем нет — она всегда решала сама.

Так как я успела съесть мороженого, мой голод притупился. Поэтому я решила подняться в свою комнату и послушать музыку. Я только успела переодеться, как меня напугал стук в окно. Подойдя к нему, я увидела Патрика Грина. Выбросив в сторону пару небольших камешков, он помахал мне приветственно рукой.

Мне никого не хотелось видеть. А еще, благодаря Нельсону, мне вновь захотелось воплотить в жизнь коварный план мести. Но, так как я пока еще не придумала его, мне хотелось побыть в одиночестве и заняться его разработкой.

— Слушай, я не в настроении, — открыв окно, сообщила я ему, стараясь не повышать голоса, чтобы мать нас не услышала, пусть даже бассейн находился на другой стороне дома.

— Что-то случилось? — обеспокоенно, поинтересовался «ирландец».

— Нет. Все отлично. Просто не хочу сегодня никого видеть.

— Но я же вижу, — настоял он на своем. — С тобой что-то случилось. Поверь, я могу быть хорошим слушателем.

— Мне это не интересно.

Патрик нахмурил брови, после чего произнес:

— Помнишь, вчера я обещал, что расскажу о причинах кражи денег из школьного шкафчика на нашем пятом свидании?

— И что?

— Я передумал: я все расскажу тебе сегодня. Но, только при одном условии.

— Если я, в свою очередь, расскажу, что меня расстроило? — догадалась я.

Патрик зажмурил один глаз и выставил вперед оба указательных пальца.

— Прямо в точку!

Поразмыслив еще мгновение, я все же согласилась прогуляться с ним. Покинула я дом в этот раз через парадный вход, не ставя никого в известность о своем уходе, так как никто меня ни о чем не спросил.

— Итак, расскажи, что с тобой случилось.

— Нет, вначале ты расскажи: почему ты украл деньги.

Я снова вернулась в парк. Только в этот раз с Патриком. Мы сели на свободную лавочку. Рядом лежал желтый клиновидный лист. Я взяла его в руки и принялась разглядывать сеточку жилок.

— У меня есть брат. Его зовут Марти и ему девять лет, — начал Патрик. Как и при первом нашем свидании, он предпочитал смотреть куда-то вдаль, когда рассказывал о себе, словно читал некую огромную невидимую книгу о своем прошлом. — Два года назад врачи ему поставили страшный диагноз — лимфома. Рак крови.

— Патрик, мне очень жаль. — Мне на самом деле было жаль это слышать. Я знала о существовании брата, но не знала о нем ничего: ни имени, ни проблем, с которыми он столкнулся в столь раннем возрасте.

— Врачи предполагают, что это наследственное. Скорее всего, носителем злосчастного гена является мой отец. — Слово «отец» он произнес так, словно оно приносило ему невыносимую боль. — Назначенное лечение оказалось слишком дорогим. Страховка матери эту сумму не покрывала даже близко. Ей пришлось устроиться на вторую работу. Да и я начал работать на мойке после уроков. Зарабатываемых денег хватало для проведения химеотерапии. Кое-какие деньги поступали от благотворительных фондов. — Патрик замолчал. В эти минуты, мне хотелось выкинуть лист и взять его за руку. Видимо врожденная скромность мне это не позволила сделать. — Примерно год назад мою мать уволили с одной из работ. Денег стало катастрофически не хватать, и тогда я совершил поступок, о котором до сих пор не жалею. Нам были нужны деньги, и я сделал то, что должен был сделать.

— Я тебя прекрасно понимаю. И не виню за это. Наоборот — я восхищаюсь твоим поступком.

Патрик повернулся ко мне лицом. Одарив меня своей обаятельной улыбкой, он дотронулся пальцем до моего носа.

— Теперь твоя очередь быть со мной откровенной.

Еще два дня назад, если мне кто-то заявил, что я буду рассказывать о себе столь личные

вещи, я бы рассмеялась тому человеку в лицо. Но факт остается фактом: Патрику я рассказала все на чистоту. О Шоне, о моем первом сексуальном опыте, о предательстве и про смешки у меня за спиной. Конечно же, я рассказала ему и о Нельсоне.

— Роб Нельсон, — повторил его имя Патрик. — Я его знаю. Мерзкий малый. Он живет неподалеку отсюда. — В его зеленых глазах появились огоньки, и теперь они выглядели, как настоящие изумруды.

— Что ты задумал? — спросила я, понимая, что в его голове зарождается план, очень похожий на тот, который я и сама вынашивала, но теперь уже не была уверена в его исполнении.

— Надо проучить, ублюдка.

— Как? — Я еще не знала, что он задумал, но очень хотела выяснить. Мысль о том, что моя месть обрушится не на Патрика, а на Роба Нельсона приносила мне несказанное удовольствие.

— Вначале нам нужно заглянуть в магазин и купить куриных яиц.

— Это еще зачем?

— Мы закидаем ими его дом...Вернее дом его родителей.

— Патрик, тебе сколько лет? Двенадцать?

— Чуть больше. Соглашусь: эта затея может показаться странной. Но, поверь: когда дойдем до дела, это не только развеселит тебя, но и поможет испытать ни с чем несравнимое чувство победы.

Поколебавшись, я все же согласилась.

Мы купили две упаковки яиц, перекусили хот-догами, после чего прибыли к месту, где должна была состояться праведная кара, направленная против Роба Нельсона.

Когда на улице потемнело, а в окнах домов загорелся искусственный свет, мы с Патриком вышли из укрытия, встав напротив нужного нам дома. Открыв первую коробку, Патрик протянул мне куриное яйцо.

— Вы удостоены чести получить право первого выстрела, мисс Стоун.

Я взяла этот маленький «снаряд» и слегка сжала в ладони. Прикрыв глаза, я постаралась передать ему весь свой гнев, свою боль и злость. Когда яйцо пропиталась моей энергией, я кинула его в сторону дома, где жил мой обидчик.

Бросок получился не ахти. Яйцо угодило под оконный карниз первого этажа, образовав там желтую кляксу, которая, к сожалению для меня, была еле видна в наступивших сумерках.

— Теперь я попробую.

Патрик достал очередное яйцо и, не медитируя долго над ним, как это было в моем случае, бросил его гораздо профессиональнее. Яйцо разбилось об окно на втором этаже. Так как в окне горел свет, желто-белая масса, сползающая по стеклу, была прекрасно видна. Испачканное окно и вправду развеселило меня. Момент справедливости настал и он был слаще любого известного мне десерта.

Осмелев, я попросила еще одно яйцо и в этот раз бросила его куда удачнее — попав во входную дверь. Так как она была деревянной, звук разбитого яйца был сравним с взрывом небольшой петарды. Я засмеялась в голос. Патрик, решил не отставать от меня и бросил свой «снаряд» в этот раз в другое окно.

Я приготовилась к третьему броску, когда в окне появился силуэт, в котором я узнала Роберта. Он растерянно глядел на испачканное стекло. Выглядел он настолько смешно, что я

окончательно убедилась в своей победе и в его поражении.

Но насладиться долго его смешной гримасой нам не позволил отец Роба. Мистер Нельсон распахнул дверь и закричал, что есть силы:

— А ну прекратите немедленно это безобразие! Я сейчас вызову полицию!

В этот самый момент Патрик успел бросить еще одно яйцо, которое разбилась точнехонько под ногами мужчины, заляпав его домашние тапочки и штаны от пижамы.

— Упс! Неловко вышло, — выпалил Патрик, затем сунул коробки под мышку, взял меня за руку и потянул за собой. — Нам пора сваливать!

Мы в очередной раз убегали с Патриком под громкие крики взрослого, который обещал нам все казни египетские, только попадись мы ему под руку. Столько приятных эмоций мне не доводилось еще никогда испытывать. Это были и чувство самоудовлетворения, и радость, и веселье и страх быть пойманными. Подумать только: я знала Патрика всего два дня, а мне казалось, что мы всегда были «не разлей вода».

Пробежав два квартала, мы остановились, чтобы перевести дух.

— Ух! Это было весело.

— Да, — согласилась я. — Очень. Ты помог мне сделать то, о чем я раньше только мечтала, но всегда боялась сделать.

— Рад был помочь. Жаль только, что нам не удалось израсходовать всю «обойму». — Патрик открыл коробку и оглядел оставшиеся четыре яйца. Вторая так и вовсе осталась нетронутой.

— И что нам с ними делать? — спросила я.

Патрик ответил так быстро, словно только этого вопроса и ждал:

— Ты случайно не знаешь, где живет Шон?

На следующий день, не успела я переступить порог школы, как оказалась лицом к лицу с Робертом Нельсоном. Судя по его взвинченности, меня ожидал тяжелый разговор.

— Это ты была! — прорычал он сквозь зубы.

— Я не понимаю, о чем ты, — решил я уйти в глухую оборону.

— Не прикидывайся дурочкой, Стоун. Я видел тебя с кем-то еще вчера вечером перед моим домом. Это ты закидала мои окна яйцами.

Мимо нас проходили другие школьники, но никто даже не остановился и не спросил: что, собственно, происходит? Максимум на что все были горазды, так это — посмотреть в нашу сторону и о чем-то перешептываться. Учителей, как назло поблизости не было.

— Даже если это была я, ты не думал, что заслужил этого?

— Я? — возмутился он. — И чем это я мог заслужить?

— Не надо было задирать меня!

— Вот те раз! Ты раздвигаешь ноги перед первым-встречным, а я еще в этом виноват?!

— Ты что-то попутал, Нельсон. Не я раздвигаю ноги перед первым-встречным — это тебе никто не дает! Вот ты и злишься на всех девчонок!

Лицо Нельсона стало пунцовым от ярости. Он схватил меня за запястье и сжал ладонь как тиски. Мне стало больно. Я попыталась вырваться, но безрезультатно. Учителей кругом по-прежнему не было. Только парни и девушки, которым до моих проблем не было ни малейшего дела.

— А ну быстро признавайся, с кем ты была вчера!

— Со мной.

Голос Патрика прозвучал в моих ушах спасительным колоколом. И я, и Роберт повернулись в его сторону. Патрик Грин стоял в дверях школы, скрестив руки на груди. Его голова была слегка опущена, отчего его рыжая челка спадала ему на глаза, но даже так можно было хорошо разглядеть его холодный суровый взгляд.

Нельсон поспешил меня отпустить. Он никогда не был смелым парнем, а тут ему должен был противостоять парень старше него, да еще имеющий сомнительную репутацию.

— Эээ... Патрик...

«Ирландец» не позволил ему договорить. Он схватил Роберта за плечи и вытащил его на улицу. Не теряя ни секунды, я поспешила за ними. Моему примеру последовали еще с десяток девушек и трое парней — почему-то сейчас их интерес к нашему с Робертом конфликту стал более открытым.

Патрик схватил Роба за грудки и припечатал к стенке. Тот даже не думал контратаковать или же сделать попытку вырваться из хватки.

— Патрик... послушай...

— Нет, это ты меня послушай! Если ты еще хоть раз обидишь Валери, я тебя живьем закопаю! Ты меня слышишь?!

— Да-да, Патрик, конечно слышу.

— Я не хочу, чтобы ты к ней даже приближался.

— Я обещаю тебе, что больше не потревожу ее. Только отпусти, а?

— И еще! Ты должен сегодня в столовой прилюдно попросить у Валери прощения.

— Что? Это уже слишком...

Патрик тряхнул Нельсона и тот дарился затылком о стену.

— Это была не просьба! Ты попросишь у нее прощение прилюдно!

— Хорошо! Я сделаю все, как ты хочешь.

Только после данного обещания Патрик отпустил его, потребовав, чтобы тот убирался с его глаз, как можно быстрее.

Если за последние два дня Патрик Грин стал мне глубоко симпатичен, то сейчас я уже была практически влюблена в него. Я заворожено глядел на то, как тяжело поднимается и опускается его грудь под клетчатой рубахой, и на то, как вздулись от напряжения вены на его предплечьях. Он был притягателен, как никогда. И не мне одной так казалось — девушки, которые вышли следом за мной из школы буквально пожирали его взглядом. А парни глядели на него с нескрываемым уважением.

— Привет, — поздоровался он со мной, как будто никакой стычки с Нельсоном и вовсе не было.

— Ты что тут делаешь? — спросила я, а сама уже была готова кинуться ему на шею. Чтобы этого не сделать, я без конца повторяла себе в уме: «Спокойно, девочка, спокойно!».

— Решил, что тебе понадобится моя помощь.

— Как ты узнал?

— Догадался, что Нельсон будет искать виноватых во вчерашней выходке. И, конечно же, решит обвинить во всем тебя.

«И не без основания», подумала я, но не стала говорить об этом вслух.

— Спасибо, — кивнула я, при этом чувствуя, как от широченной улыбки у меня начинает болеть рот.

— Еще я хотел сказать, что сегодня буду работать на мойке допоздна. Но мне бы очень хотелось увидеться с тобой. Я освобожусь в одиннадцать. Это не слишком поздно?

— Тебе лучше уйти, Патрик. В любой момент Роберт может пожаловаться на тебя, и кто-то из учителей может вызвать полицию.

— Не пожалуется, — уверено заявил Патрик. — Он будет молчать. Разве что попросит у тебя прощения сегодня в столовой.

Боже, у меня уже жутко болели щеки, зубы покрылись пылью, а я все никак не могла заставить себя прекратить улыбаться.

— Я буду ждать тебя в одиннадцать, — пообещала я.

Патрик удовлетворенно кивнул в ответ. Махнул мне на прощание рукой и направился к выходу с территории школы.

Я провожала его взгляда до самых ворот и не вошла в здание школы даже тогда, когда прозвенел звонок на первый урок.

Как и обещал, в столовой Роберт Нельсон вышел в центр и попросил минутку внимания. Кто-то его послушал и отложил в сторону еду, кто-то продолжил есть, но все же повернул голову в его сторону.

Роберт с минуту стоял глядя себе под ноги и заговорил, только когда кто-то выкрикнул нетерпеливо: «Давай уже!».

— Все вы знаете меня...или почти все. Мое имя Роберт Л. Нельсон. И я хочу прилюдно попросить прощения у Валери Стоун. — Мое имя он произнес еле внятно.

— Не слышно ничего! — раздался все тот же подгоняющий голос.

— У Валери Стоун! — уже гораздо громче повторил Нельсон.

Что и следовало ожидать, все разом повернулись в мою сторону. Мне хоть и было неловко, все же я чувствовала себя некой местной знаменитостью, которая купалась в лучах своей славы.

— Я был не прав, когда донимал ее и называл «легкодоступной». Это не так. Она очень правильная и умная девушка. Я ее оклеветал. Впрочем, не я один...но я был более жесток, в отличие от остальных.

— И что тебя заставило ее оклеветать? — на этот раз с ним в диалог вступила девушка. Я же продолжала слушать и хранить молчание, стараясь сидеть за столом прямо. Ни дать, ни взять — вылитая королева Великобритании, к которой пришли на прием заморские послы.

— Она...вернее я...В общем, она мне нравится.

По столовой поползли смешки и бурные голоса. Я же впала в ступор и не могла понять: правду только что сейчас сказал Роб или же произнес первое, что пришло на ум.

— Такие девчонки как она не замечают таких как я...вот я и решил обратить на себя внимание таким подлым способом. — Он вытер нос рукавом, продолжая исследовать пол под своими ногами. — Прости меня, Валери Стоун.

Роб поднял голову и посмотрел в мою сторону. Все присутствующие в столовой глядели пристально на меня, ожидая моего вердикта: казнить или помиловать.

Не произнеся ни слова, я поднялась из-за стола и покинула столовую. Стук моих каблучков — единственное, что звучало в наступившей внезапно тишине.

Я была на седьмом небе от счастья. Еще никто и никогда не заступался за меня. Также мне льстило желание моих одноклассниц разузнать от меня как можно больше подробностей: когда мы с Патриком начали встречаться и почему я об этом никому не рассказывала? В некоторых глазах я читала скрытую, а иногда откровенную — зависть. Как оказалось, все считали Патрика жутко сексуальным и мужественным. Одна девица даже посетовала на свою нерасторопность:

— Жаль, что ты опередила меня, — так и заявила мне белокурая черлидерша Фэй Петерсон, и это несмотря на то, что встречалась с популярным малым — квотербеком футбольной школьной команды. Эти слова мне польстили, но и разозлили заодно.

Все было прекрасно, да только я сама пока не имела понятие: какие именно отношения связывали меня с «ирландцем»? Вроде бы у нас уже было два свидания, но какой-то конкретики все еще не было. Он не предложил открыто встречаться, не называл прилюдно своей «девушкой», мы ни разу не целовались. Не говоря уже о большем. Господи, да мы и держались за руки только когда убегали вначале от охраны карьера, а затем — от мистера Нельсона, сразу после бомбардировки его дома куриными яйцами.

При третьем нашем свидании, которое должно было состояться сегодня вечером, я решила потребовать от Патрика прояснить наши с ним отношения.

Я не успела дойти до дома, как уже пыталась мысленно торопить время. Мне хотелось поскорее увидеть своего зеленоглазого рыжего красавца.

Как всегда с небес на землю меня спустили родители, дожидавшиеся моего возвращения из школы. Судя по суровому лицу отца и пылающим от гнева глазам матери, меня ждал очередной серьезный разговор:

— Что-то произошло? — спросила я, запирая за собой дверь.

— Не строй из себя дурочку, Валери Элизабет Стоун! — выпалила мать, подпирая костлявые бока ладонями.

— Я бы и не строила, если бы вы не зачастили с нравоучениями.

— Следи за своим языком, юная леди! — подхватил отец.

Мне оставалось только закатить устало глаза. Да что все это значило? Что было опять не так? В последнее время они слишком часто придирались ко мне по пустякам.

Я развела руками и склонила голову набок, мол, я вас внимательно слушаю.

— Мистер Нельсон звонил нам сегодня днем. Он сообщил, что ты закидала его дом яйцами. При этом была не одна.

Я сомневалась, что мистер Нельсон разглядел меня во мраке. Видимо, его сынишка — Роб — рассказал ему о своих подозрениях на мой счет, представив все, как неопровержимый факт. Впрочем, в своих подозрениях он оказался прав.

— И вы ему верите?! — попыталась я изобразить возмущение. — Верите ему? Даже не удосужившись услышать моих слов?

— После той выходки на вечеринке, не думаю, что мы сможем тебе доверять как прежде! — выпалила мать.

«Ну, все! С мен хватит!», разозлилась я. «Пора валить из этого сумасшедшего дома!».

— Тогда откажитесь от меня! — закричала я.

— Дочка, не говори глупостей, — пошел на попятную отец. — Мы просто хотим знать,

зачем ты это сделала и кто с тобой был.

— Кто со мной был? — переспросила я.

— Наверняка это была не твоя идея. Ты просто попала под дурное влияние человека, от которого мы с матерью хотим тебя оградить.

— Спасибо, что был откровенен со мной, папа. Теперь я уж точно не стану говорить, кем был тот человек. А теперь, если позволите, я пойду в свою комнату. Мне еще уроки надо делать.

— Мы еще не закончили! — воскликнула мать.

— Нет уж, мы закончили.

Я поспешила в сторону лестницы, никак не реагируя на крики матери, требующую меня вернуться немедленно обратно.

Я заперла дверь на ключ, боясь, что мать последует следом за мной. Но этого не произошло. Видимо ее остановил отец.

Я упала на кровать лицом в подушку. Мне хотелось кричать от злости. Ну почему я родилась в семье, в которой родители вспоминали о том, что у них есть дочь, лишь тогда, когда надо было на кого-то накричать и обвинить во всех своих бедах?! Моя младшая сестренка была сейчас рада, что всех собак спускают на меня, а не на нее. Но она просто понятие не имела, что когда я обзаведусь своей семьей (а это должно было произойти по моим подсчетам года через два), все родительские претензии и сожаления о плохом воспитании польются на нее, как из рога изобилия.

Кое-как сделав домашнее задание и поняв, что на ужин меня сегодня точно не позовут, я пришла к выводу, что дома мне делать нечего. Уже привычно я выбралась из своей комнаты через окно, прихватив немного денег из своих резервов: вот уже на протяжении двух лет я была счастливой обладательницей заработанных собственным трудом денег. Я занималась два раза в неделю игрой на пианино с восьмилетней дочерью миссис Мерфи. Какое-то время я интенсивно изучала тонкости игры на этом музыкальном инструменте и у меня очень даже неплохо получалось. Но чуть более двух лет назад я бросила учебу, не видя перспектив у этого увлечения. Моя мать настаивала, чтобы я продолжила играть на пианино, наверное, видя меня в будущем, выступающей в Карнеги-холле. Я же была непреклонной. Если не ошибаюсь, то именно после этого случая моя мать завела привычку придирается ко мне по всяким пустякам.

Миссис Мерфи слышала пару раз мою игру на пианино и открыто восхищалась моим талантом. Когда же она узнала, что я бросила учебу в этой стезе, она практически сразу предложила мне обучать ее дочь этому ремеслу. Видимо решив, что раз талантливый конкурент в моем лице самоустранился, ее дочь вполне может занять «освободившееся место» в Карнеги-холле. Я ничего не имела против этого. К тому же мне платили пятнадцать долларов в час — хорошие деньги за непыльную работу. Все лучше, чем трудиться нянькой за гроши.

Примерно я зарабатывала по четыреста баксов в месяц. И этими деньгами я могла распоряжаться, как хотела, потому что они были только моими и ничьими больше. Да, здесь стоило признаться, что моя мать оказалась права, и игра на пианино мне все же пригодилась. Но я по-прежнему не видела себя в этой творческой профессии. И если когда-нибудь дочка миссис Мерфи попадет-таки в концертный зал в Нью-Йорке и исполнит Моцарта на пианино или же другом клавишном инструменте, я буду горда собой, что в свое время приложила руку к становлению «звезды» мировой величины.

В моей копилке (конверт с деньгами я прятала под половицей) на данный момент было чуть больше четыре тысячи долларов. Деньги я копила на машину, которой рассчитывала обзавестись не раньше чем через год. И не только потому, что к тому времени у меня будет подходящий возраст для получения водительских прав, но и потому что я вечно тратила деньги на разные нужды: то на одежду, которую мне не хотели покупать родители, то на новый телефон, то на украшения.

Вот и в этот раз я решила взять из своей записки несколько купюр, чтобы купить себе еды и газировку. Это должно было не только утолить мой голод, но и убить время до того часа, когда я должна была встретиться с «ирландцем».

Патрик позвонил мне на полчаса раньше назначенного времени и предложил встретиться в парке.

Он ждал меня у свободной лавочки, уже привычно держа руки в карманах и глядя на меня из-под рыжей челки и криво улыбаясь. Это было нашим третьим свиданием, и я уже начала замечать, что при каждой нашей новой встрече, он мне казался все красивее и красивее.

— Привет, — поздоровался он со мной и поцеловал в щеку. Я заметила, что на лавочке лежали какие-то небольшие коробки, но прежде чем я успела их разглядеть, он заслонил их от меня своим телом.

— Что это? — спросила я, кивнув в сторону коробок.

— Ты обязательно все узнаешь. Минуточку терпения.

— И что это ты задумал? — заинтригованно задала я очередной вопрос.

— Это наше с тобой третье свидание, Вал. И с этим свиданием я хотел бы внести ясность в наши с тобой отношения.

— Я как раз хотела предложить то же самое, — усмехнулась я.

— Так это прекрасно! Мы уже читаем мысли друг друга. Выходит, наша встреча в тот дивный вечер была неслучайной.

— Ты серьезно так думаешь? — Мне уже самой начало казаться, что «чтение мыслей» — не такая уж и фантастика, потому как я и сама уже думала о том, что наша встреча была не случайной и произошла по воле звезд, высшей силы или проведения.

— Без сомнений. А потому, я хочу задать тебе очень важный вопрос.

— Какой? — Я уже дрожала от волнения и ощущения похожего на сладкий сон.

— Валери Стоун, ты хочешь быть моей девушкой? Чтобы нас связывали серьезные отношения и, чтобы любовь нам указывала дальнейший жизненный путь?

У меня и в мыслях не было ответить, что-то кроме:

— Согласна.

Удивительно, но я уже видела его в белом красивом смокинге с красной розой в петлице, а себя в шикарном подвенечном платье и как мы стоим перед алтарем в маленькой уютной часовенке и клянемся любить друг друга в горе и радости, в болезни и здравие.

В эти секунды я даже и не думала о мнении своих родителей на этот счет. А оно наверняка было бы категорически отрицательным. Ведь Патрик Грин был не просто парнем с сомнительной в городе репутацией, но и выходцем из семьи, живущей за чертой бедности.

Но, если я не вспомнила о родителях, то уж от Шона я не смогла далеко убежать.

— С одним условием, — добавила я.

— Каким?

— Шон был моим первым парнем, в интимном плане. Я быстро отдалась ему, что плохо

отразилось на моей репутации. Я больше не хочу совершать таких ошибок. Надеюсь, ты меня понимаешь...

— Более чем, — успокоил он меня, ведь я боялась, что после этих слов он тут же вспомнит о каких-либо неотложных делах, а может и вовсе — молча развернется и уйдет в ночь. — Мне важно, чтобы ты была рядом со мной. Этого мне уже достаточно для полного счастья. И думаю, этот момент более чем удачный для того, чтобы я тебе показал, что именно я принес с собой.

Он сделал шаг в сторону, позволяя мне разглядеть то, что лежало на лавочке.

Это оказались китайские фонарики. Их было три штуки. Уже сама идея мне показалась заманчивой: вместе запустить фонарики в небо. Но у Патрика была очередная гениальная идея.

— Это не просто фонарики, — произнес он, слегка понизив голос, став похожим на волшебного рассказчика, готового поведать слушателям о замках, принцах и принцессах, о рыцарях и драконах, о любви и чести. — Это наше прошлое, которое сковывает на данный момент наши ноги и не позволяет летать.

— Ты это о чем? — попыталась внести я точность в его слова.

— Я тебе все сейчас покажу.

Он достал из кармана небольшой блокнот и ручку. Вырвав лист, он написал на листе имя «Барбара».

— Так звали мою бывшую подружку. Она рассталась со мной, когда узнала, что мой брат Марти болен и что болезнь — возможно наследственная. Она открыто заявила, что не хочет тратить на меня свое время и боится, что если у нас дело дойдет до женитьбы, то наши дети обязательно родятся с тем же заболеванием. Она даже не хотела больше ко мне прикасаться, словно я был заразным.

— Патрик — это ужасно, — пожалела я его и демонстративно погладила его по плечу.

— Спасибо. — Он сложил листок вдвое, после чего просунул меж ниток одного из фонариков. — Теперь твоя очередь.

Больше объяснять мне ничего не пришлось.

Я взяла листок и написала на нем имя «Шон» и прикрепила его ко второму фонарику.

— А что будем делать с третьим? — спросила я.

Патрик вырвал еще один лист, только не стал на нем ничего писать, а просто сложил и наградил им последний фонарик.

— Он будет символом того, что мы начинаем все с чистого листа.

Затем Патрик поднес к фитилькам зажигалку, и мы отпустили в черное звездное небо фонарики. Я отправила ввысь «Шона», а он — «Барбару». Третий фонарик мы отпустили в небо вместе. После чего мы стояли, обнявшись, и смотрели на то, как огоньки поднимаются все выше и выше, теряясь среди звезд. Мне, думаю, так же как и Патрику, на самом деле стало легче. Только сейчас я поняла, сколько боли было в моем сердце, причиненной Шоном. Теперь же, я чувствовала, как она меня покидает. Раз и навсегда. Улетает прочь, чтобы не вернуться.

Я была очарована поступком Патрика. Очарована его добротой и смелостью. Отведя взгляд от неба, я посмотрела на него. Почувствовав мой взгляд на своей щеке, он повернул голову ко мне, и в этот самый момент произошло еще одно чудо: наши губы слились в теплом продолжительном и незабываемом первом поцелуе.

Настали выходные. Сидеть дома — не был ни малейшего желания. А вот, чего мне хотелось на самом деле — это увидеть Патрика. Позвонив ему по телефону, я узнала, что его мать сегодня работала допоздна, а потому он сам повел Марти на химеотерапию. Я попросила прощение за то, что побеспокоила его в такой момент, когда Патрик неожиданно предложил составить ему компанию. Ему хотелось познакомить меня со своим братом. Я с радостью согласилась.

Как обычно я хотела покинуть дом незаметно ото всех, но мне это не удалось. Меня заметила моя младшая сестренка Джульс.

— Ты куда это собралась? — спросила она, выглянув из своей комнаты.

— Не твое дело, — огрызнулась я, продолжая идти в сторону лестницы.

— погоди, я сейчас, — сказала она и быстро вернулась в свою комнату.

Меня озадачили ее слова. Так как я не поняла, что именно имела в виду Джульс, я осталась стоять на месте. Очень скоро она вышла снова из комнаты, сменив шорты на джинсы, а майку на кофту. По всей видимости, она собиралась тоже покинуть дом без спроса родителей. Во мне тут же проснулась старшая сестра.

— И куда ты это собралась, юная леди? — добавила я в свой лексикон отцовское словечко, дабы прибавить своему тону суровости.

— Я с тобой.

Этого еще не хватало.

— С чего вдруг со мной-то? Я думала, тебя подружки ждут на улице или ты и вовсе собралась сбежать из дома с бродячим цирком.

— Нет, подружки мне надоели. Сегодня я хочу прогуляться с тобой.

— И речи быть не может! — отрезала я. — Тебе не шесть лет, и я не обязана нянчиться с тобой.

— А мне нянька и не нужна, а — старшая сестра! — отпарировала маленькая язва.

— И с каких пор это она тебе понадобилась?

— С тех самых, как ты начала встречаться с парнями. Мне и самой скоро надо будет с ними встречаться, вот я и хочу поучиться этому делу у опытной девушки.

— Опытной? — Я ослышалась? Скорее всего, нет — именно так, она меня и назвала.

— Ну да, — кивнула проказница. — Ты ведь встречалась с Шоном. А теперь с другим парнем.

— Я не встречалась с Шоном. — Я запнулась из-за того, что мой мозг начала быстро переваривать поступившую информацию. — Откуда тебе известно о Шоне?

— Сестренка, да я ведь с тобой в одной школе учусь. Ее стены прямо гудят от слухов о том, что ты переспала с ним на первом же свидании.

— Так это ты проболталась об этом родителям?! — Мне хотелось придушить маленькую чертовку. Я уже даже потянула руки к ее тонкой бледной шее.

— Я закричу! — пригрозила она мне и уже приоткрыла рот, чтобы выдавить из чрева противный высокий писк.

— Хорошо. Я тебя не трону...пока что, — пошла я на попятную. — Но тебя с собой не возьму!

— Тогда я расскажу родителям, что ты встречаешься с другим парнем, хотя они тебя

еще не простили за Шоана.

— Да с чего ты взяла, что у меня есть парень?!

— Я не слепая. И видела тебя пару раз, как ты убегала из дома через окно. Зачем тебе куда-то бегать по ночам, если не на свидание?

Да, в логике Джулс не откажешь. С ее-то милым личиком и острым умом, она вполне могла к двадцати годам обзавестись домом на берегу океана, итальянской спортивной машиной и мужем-миллионером, стоящим одной ногой в могиле.

— Признаю, я кое с кем встречаюсь, и он мне очень нравится. А потому я не хочу, чтобы ты сдала меня предкам и все испортила.

— Не волнуйся, я умею держать язык за зубами. — Она уставилась в потолок, прижав правую руку к груди и подвернув ногу — ну, вылитая «королева интриг». — Тебе стоит только взять меня с собой, и тогда о твоих вечерних отлучках никто не узнает. Иначе, я за себя не ручаюсь.

И что прикажите делать со всем этим? У нее на руках были все козыри, в то время как я довольствовалась лишь шестерками. И все же, я не могла взять ее с собой. Патрик ведь позвал меня не на свидание.

— Слушай, Джулс, будь паинькой, и я тебя обязательно возьму с собой. Только в другой раз.

— Нет, сейчас!

— Да не могу я! Я иду в больницу, а не на танцульки.

— Твой парень работает санитаром? Или он болен?

— Не он, а его брат.

— У него брат есть?

— Да. И ему очень плохо. Твое присутствие там будет неуместным.

— А твое?

— Меня пригласили. Тебя — нет.

— Я куплю его брату апельсинов и музыкальную открытку с пожеланиями скорейшего выздоровления, после чего я быстро стану «желанным гостем», — не унималась Джулс.

Поняв, что она не отстанет, я сдалась. Джулс издала победный крик и принялась скакать на месте.

Патрик дожидался нас на улице, перед зданием больницы. Я позвонила ему и сообщила, что я приду не одна, а с сестрой. На удивление, Патрика порадовала такая новость. Видимо, он понятие не имел, кто такая — Джулс.

Сказанные дома слова оказались не шуткой или оборотом речи, моя сестра и вправду выказала желание заглянуть в магазине и купить фруктов и открытку по пути в больницу.

Мы поднялись на лифте на третий этаж, затем прошли по коридору, свернули направо и оказались в небольшой комнатке, где стояли шесть кресел, из которых заняты было три. В одном и них сидел девятилетний мальчик отдаленно похожий на Патрика. Возможно, сходство было бы более очевидным, если бы у Марти были волосы на голове. Радужки глаз мальчика были зеленого цвета, как и у брата, да только куда больше внимания к себе притягивали черные круги под глазами. Справа от его кресла возвышался штатив с прозрачным пакетом, заполненным некой жидкостью, от которого тянулась трубка, заканчивающаяся иглой, что была введена в вену маленького пациента.

Повсюду на стенах весели постеры на тему профилактики рака и о средствах борьбы с ним. Поняв о какой болезни идет речь, Джулс на какое-то время даже замерла на месте. Но

взяв себя в руки, продолжила движение следом за мной и Патриком.

— Марти, у нас гости. Поздоровайся. Это Валери и ее сестра — Джулс.

— Здравствуйте. — Мальчик улыбнулся нам, да так открыто, словно и вправду ждал нашего прихода. — Вы друзья Патрика?

— Да, — кивнула я, подойдя ближе. — Он многое рассказывал о тебе. Говорил насколько ты храбрый мальчик.

Мои слова слегка смутили Марти, но и принесли удовольствие.

Патрик присел рядом с братом и похлопал его по руке, той, что не была проколота иглой.

Решив долго не стоять в стороне, Джулс вышла из-за моей спины. Я надеялась, что она не сморозит какую-нибудь глупость. Сестренка меня не разочаровала — она держалась вполне уверенно и достойно.

— Привет, Марти. Я рада с тобой познакомиться.

— Я тоже, — чуть ли не шепотом ответил мальчик.

— Мы с сестрой решили купить тебе что-нибудь вкусненькое, но и полезное. Остановиться на апельсинах. — Джулс положила пакет с фруктами на столик, рядом с Марти. — А еще купили открытку. Здесь написано: «Поправляйся скорее!». Очень надеюсь, что данное пожелание вскоре исполнится.

— Спасибо. Я тоже надеюсь. Только моя болезнь трудно лечится.

— Врачи в этой больнице очень хорошие, они обязательно тебе помогут.

Я была приятно удивлена способностью Джулс находить столь правильные слова в непростой ситуации. Мне даже впервые захотелось поговорить с сестрой по душам, чтобы мы узнали друг друга получше. Последние года два мы сильно отдалились. Даже не знаю, как это произошло. Да меня это мало интересовало, до сегодняшнего дня.

— Тебе нравятся «Мстители»? — спросила Джулс, слегка коснувшись рисунка на майке Марти.

— Да, особенно Железный Человек, — ответил мальчишка, ткнув пальцем в указанного супергероя.

Патрик встал с корточек и потянул меня за собой. Я тоже решила, что мы вполне можем оставить Джулс с Марти наедине — они явно поладили. Мы подошли к окну, за которым виднелась аллея и стоянка для служебных машин.

— Мне очень жаль его, — призналась я. — Такой маленький, а уже столько пережил.

— Да, — кивнул Патрик. — Ему приходится нелегко. Он уже даже не плачет, когда ему прокалывают вены толстыми иглами. Ему ставят капельницы с препаратом, который замедляет рост раковых клеток, затем препарат, который убивает их, а напоследок — лекарство, которое борется с последствиями химеотерапии.

— Что говорят врачи?

— Дают хорошие шанс на выздоровление, но пока я их не вижу. Скорее наоборот — Марти выглядит хуже и хуже после каждого сеанса. Говорят, что это нормально. Ведь химеотерапия приносит вред организму. Но только она может эффективно бороться с метастазами на данном этапе болезни.

Неподалеку от Марти сидела еще одна больная — девушка, чью голову покрывала косынка. На вид она была моей ровесницей. Она смотрела на меня пристально и не отводила глаз, даже когда я заметила ее внимание к своей персоне. Я не знала о чем она думает, но предположила, что она завидует мне: в отличие от нее — я была здорова и у меня был

парень, чего она — вероятнее всего — была лишена.

— У тебя хорошая сестра, — произнес Патрик, заставив меня отвести взгляд от девушки и вернуться обратно мыслями к Джулс и Марти.

— Да, я знаю, — ответила я не задумываясь, после чего тут же мысленно добавила: «Ой ли?». — Все это так грустно, даже просто находиться здесь. Видеть все эти лица, на которых читается отдельная трагедия каждой семьи.

— Да, здесь своя гнетущая атмосфера, — согласился Патрик. — В таких местах понимаешь, что жизнь нам дана одна и она не вечна....Мама?

Я непроизвольно вздрогнула. Около кресла, в котором сидел Марти, появилась женщина лет сорока, в которой я узнала миссис Грин. В отличие от своих сыновей, она была брюнеткой с темными глазами. С очень уставшими темными глазами. На ней были одет вязанный джемпер и потертые джинсы. На плече висела хозяйственная сумка.

— Пойдем, я тебя с ней познакомлю.

Патрик в очередной раз взял меня за руку и потянул за собой. Мне же хотелось растянуть наше с ней знакомство. Почему-то мне казалось, что миссис Грин будет совсем не рада меня видеть. Повезет, если она просто попросит покинуть нас с Джулс больницу. А ведь может и накричать на нас.

Сама того не ведая, я проецировала страхи связанные с моими родителями на других матерей. Мне казалось, что все родители одинаковые и им просто не могут нравиться друзья и подруги их сыновей или дочерей. А в нашем случае дела касалось еще мальчика больного раком. Подобные болезни всегда делают родителей более эмоциональными, и они способны накричать на любого просто потому, что у них дурное настроение. А в душе миссис Грин, как мне казалось, просто не могло быть положительных эмоций: жила она без мужа, работала за двоих, да еще сын был болен раком. Откуда здесь взяться веселью?

— Почему ты приехала? — спросил Патрик, когда мы вернулись к креслу.

— Нас раньше отпустили. Работы на сегодня было мало, — ответила она, после чего посмотрела в мою сторону.

— Это Валери и Джулс.

— Приветик, — махнула рукой моя младшая сестра.

— Дочки Стоунов? — В ее голосе прозвучал вопрос. Хотя я была более чем уверена, что она прекрасно знала, к какой семье мы принадлежим, а в ее словах скрывался другой смысл: «Какого черта они тут делают?».

— Да.

— Джулс и Валери принесли мне фрукты и открытку, — поделился радостной вестью Мартин.

Миссис Грин взглянула на пакет и открытку, что лежал на столике, затем снова перевела свой усталый взгляд на меня.

— И давно вы дружите?

— Не очень, — ответить я, чтобы поучаствовать в беседе. — Четыре дня? — Я повернулась к Патрику, инстинктивно ища у него поддержки.

— Четыре дня, — подтвердил он. — Но по моим ощущениям, мы знаем друг друга гораздо дольше.

— Оно и видно. Иначе вас с Джулс здесь бы не было. — Слова были произнесены без малейшей интонации, а потому я не поняла: это был упрек со стороны матери Патрика или все же одобрение. — Мне надо поговорить с врачом, — продолжила она.

— Хорошо. Мы тебя здесь подождем.

Прежде чем уйти, миссис Грин задумчиво нахмурила брови, после чего сказал то, чего я не ожидала услышать:

— Что вы делаете завтра в двенадцать, Валери?

— Ну, планов, как таковых, у меня на это воскресенье нет.

— Тогда, что скажете насчет небольшого обеда в нашем доме? Заодно узнаем друг друга получше.

Я посмотрела на Патрика. Он в ответ приподнял брови и растянул губы, словно говоря: «Отличная идея». Я решила не плыть против течения и согласно кивнула:

— Было бы здорово.

— Хорошо, тогда завтра я уделю тебе больше внимания. А сегодня, извините, у меня голова завалена делами, которые надо успеть сделать.

Она удалилась, а я смотрела ей вслед, размышляя о том, какой же миссис Грин, оказалось, хорошей женщиной. Теперь было понятно: в кого пошел Патрик. Хотя судя по цвету волос, внешне он был похож скорее на отца, о котором я до сих пор ничего не знала.

Джулс хотела пойти со мной в гости к Гринам. И пусть она показала себя вчера молодцом, я ей отказала, напомнив, что о ней в приглашении речи не шло.

— Почему бы тебе не встретиться сегодня со своими подружками? — предложила я.

— Не хочу, — покачала она головой. — Они очень скучные. К тому же, в них нет той искренности, которую я увидела вчера в Патрике и Марти.

К счастью, она не стала сильно настаивать и не прибегла к любимому методу шантажа — рассказать все родителям. Она лишь попросила передать «привет» Марти. Я обещала выполнить ее просьбу, а еще попросила не говорить родителям, куда я уйду.

— Могла и не просить, — буркнула Джулс, после чего вернулась в свою комнату.

В дверь дома Гринов я постучала ровно в двенадцать. Хотя я и раньше видела их дом, сегодня я смотрела на него совершенно иными глазами. Я с интересом оглядела посеревшую от времени пластиковую вагонку, которой был обшит их дом. Уделила внимание сланцевой плитке на крыше, которая кое-где была треснутой, а кое-где и вовсе отсутствовала. Изучила почерневшую трубу дымохода, обвернутую стекловатой. Поводила взглядом по покосившемуся перилам, огораживающим веранду. И, наконец, осмотрела дверь, со слезающей с нее краской, перед которой стояла дырявая сетка от насекомых.

Открыли мне практически сразу. Это был Патрик. Он широко улыбнулся, когда меня увидел, пригласил внутрь и закрыл дверь. Уже внутри дома, он прижал меня к стенке и закрыл мне рот своим поцелуем. Мое сердце заухало как отбойный молоток, ноги подкосились, по тепу прошла волнительная истома.

Но, несмотря на то, что мне был очень приятен его поцелуй, я все же попыталась отстранить его от себя.

— Патрик, брось. Твоя мать может нас застукать...или Марти.

Патрик послушал меня. Но, прежде чем отпустить, прикоснулся еще пару раз своими губами к моим. Это было восхитительно. Будь мы в доме одни, я бы попросила его продолжать и не останавливаться. Возможно, я бы так и поступила, если бы миссис Грин не появилась вскоре.

— А вот и наша гостья! — воскликнула она и поцеловала меня в щеку.

Сегодня она выглядела куда как бодрее, чем при нашей встрече в больнице. У нее даже появился блеск в глазах. Она была на самом деле рада меня видеть и вчерашнее приглашение было не просто брошенными на ветер словами.

— Проходи на кухню. Там уже почти все готово.

Внутри дом Гринов выглядел куда как лучше, чем снаружи. Нет, здесь не было красивых и дорогих вещей, которыми мог бы гордиться представитель высшего или даже среднего класса. Дело было в аккуратности и чистоте: кругом не валялись разбросанными вещи, не свисала паутина с потолков, не лежали слои пыли, не стоял неприятный запах затхлости или сырости. Другими словами: в доме чувствовалась рука хозяина. И рука эта, без сомнений, принадлежала не только миссис Грин.

Стол на кухне был небольшим, а потому и блюд было не много: три тарелки с основными блюдами и две с салатами, а в центре стоял кувшин с апельсиновым соком — возможно, приготовленный из фруктов принесенных Джулс для Марти. Кстати, Марти уже сидел за столом и молчаливо глядел на нас.

Блюда, представленные на этом обеде, мне были незнакомы. Оно и понятно, так как все они представляли норвежскую кухню. Прежде чем все отведать, миссис Грин ввела меня в курс дела, рассказав в двух-трех словах о содержимом каждой тарелки:

— Это «лютефиск» — он делается из филе рыбы. Здесь у нас «форикол» — овечье мясо с капустой. А это к десерту — «крумкаке». Марти и Патрик их просто обожают.

— О, да! — усмехнулся Патрик, кладя салфетку себе на колени. — Могу есть только их семь дней в неделю.

Я всегда относилась с настороженностью к незнакомым блюдам, но сегодня решила тщательно ознакомиться с норвежской кухней. Для меня было важно узнать о семье Гринов как можно больше. Что если не их привычная еда могла мне рассказать многое о Патрике и о стране, откуда он был родом?

Ужин прошел в уютной семейной обстановке. Еда мне понравилась, за исключением «форикола». Уж извините, но овечье мясо — не для меня.

Говорили мы о многом и о разном. Как не странно, но за все время, которое было отведено обеде, мы ни разу не подняли следующие темы: финансовые трудности в семье Гринов, тяжелая болезнь Марти, мистер Грин и отношение моих родителей к Патрику. Видимо, миссис Грин догадалась, что родители ничего не знают о нас. К тому же, она сама узнала обо мне только вчера и то случайно.

Мы провели за столом чуть более часа. В такой прекрасной семейной атмосфере мне уже давно не приводилось принимать пищу. Затем, мы с Патриком помогли миссис Грин собрать со стола и помыть посуду, после чего Патрик предложил мне показать его комнату. Это была еще одна остановка на пути моего наилучшего понимания — кем был Патрик, — а потому я с радостью приняла его предложение.

Комната Патрика располагалась в мансарде. Там были низкие потолки и не так много места. Зато здесь было тихо и уютно. А еще было окно, которое выходило на небольшую посадку желтеющих деревьев.

На стене висели фотографии из семейного альбома Гринов. Но, на большинстве снимков был изображен именно Патрик: от самого рождения до примерно того же возраста, что соответствовал нынешнему.

— Ой, каким же ты был милым в детстве, так и хочется потискать, — чуть ли не засюсюкала я, глядя на фотографию, где Патрику было не больше полгодика. Он смотрел с открытым ртом в объектив фотокамеры и тянул вперед ручонки.

Патрик встал рядом со мной и принялся разглядывать свои фотографии, словно видел их впервые, также как и я.

— А мне очень хочется потискать тебя, — сказал он и тут же ухватил меня сзади за талию. Я взвизгнула и попыталась вырваться. Патрик держал меня крепко, а потому я сдалась на милость победителя и позволила себя поцеловать. Стоит отметить, что целовался он великолепно. Конечно, мне не очень было с кем сравнивать Патрика, но то, как я таяла от его ласк — о многом говорило.

Пока он искал губами мои губы, я старалась и дальше рассматривать фотографии. На одной пятилетний Патрик был одет в костюм пирата на Хэллоуин. На другой — он уже был старше и выглядел типичным подростком-бунтарем: взъерошенные волосы, помятая майка, порванные в коленях джинсы и высокие кеды. На одной из более новых фотографий Патрик сидел на стуле в каком-то темном помещении и подбирал аккорды на гитаре.

— Я не знала, что ты умеешь играть.

Перестав исследовать губами кожу на моей шее, Патрик взглянул на указанную мной фотографию.

— Да, брэнчу на ней уже лет пять. Моей матери даже нравится.

— Я тоже играю. Только на пианино.

— Да? И почему ты мне раньше об этом не сказала?

— Потому что не было повода. Может, сыграешь мне на гитаре?

— Обязательно, но только не сегодня.

— Это еще почему?

— Твое признание заставило меня задуматься о кое-чем.

— И о чем же?

— Об этом ты узнаешь завтра, — ответил Патрик и снова поцеловал меня.

Его горячее дыхание согревало мне щеку, а его легкие прикосновение пальцев к моей спине и бокам отзывались в моем теле желанием. Но я помнила о данном самой себе обещании: никакого секса, до тех пор, пока наши отношения не окрепнут окончательно. Я понятия не имела, когда этот момент настанет, но верила, что сама это почувствую.

Чтобы немного охладить пыл Патрика, я решила задать вопрос, который меня волновал целый день:

— Где сейчас твой отец и почему его нет ни на одной из фотографий?

Патрик отпрянул от меня, отвернулся и осторожно присел на кровать. Не такой реакции я от него ожидала. Я думала, что наш пыл немного остудится, пока он будет рассказывать о своем отце. Вместо этого я увидела в его глазах боль и...страх?

Да, именно страх я увидела тогда в его глазах, только причины тому узнала гораздо позже. Но, обо всем по порядку. В тот момент я могла только гадать о причинах его расстройства.

— Вал, я хочу тебя кое о чем попросить, — слегка запинаясь, выдавил он. Его лицо заметно побелело, а плечи самопроизвольно вздрогнули, будто по мансарде гулял холодный ветер.

— О чем?

— Никогда не спрашивай меня об отце. Ни меня, ни мать, ни Марти. Никого!

— Хорошо, Патрик. Я обещаю, что больше не подниму тему твоего отца.

Мне стало не по себе. Жили они в этом доме по моим подсчетам около десяти лет. И когда они сюда переехали, мистера Грина с ними не было. В то же время, меня одолевало любопытство: что такого произошло с его отцом, что Патрик до сих пор не может спокойно о нем говорить?

Чтобы успокоить своего парня и загладить вину перед ним, я присела на кровать рядом, погладила его по голове и коснулась губами его виска. Они никак на это не отреагировал, продолжая прижимать сплетенные между собой пальцы ко рту и глядеть в пустоту. Я не остановилась на этом, а переместилась с виска на скулу, затем щеку, подбородок, родинку на шее. Наконец он снова вернулся ко мне. В его глазах загорелся свет, губ коснулась улыбка.

Спустя мгновение уже его губы принялись ласкать мое лицо и шею. Мы легли на кровать и продолжили целоваться, забыв на какое-то время обо всем на свете. В эти минуты, в мире были только мы вдвоем. Не было ни прошлого, ни будущего, а только настоящее, пропитанное любовью двух бьющихся в унисон сердец.

Патрик встретил меня у ворот школы сразу после уроков. В его руках была алая роза, которая предназначалась для меня. Под завистливые взгляды школьниц, он предложил мне пройтись.

Мы неторопливо гуляли, держась за руки. Он спрашивал меня про успехи в школе, а я о делах на работе. Мы прошли несколько улиц, сворачивая то в одну сторону, то в другую. Мне было просто приятно находиться в его компании, а потому я даже не сразу поняла, что Патрик вел меня в определенное место.

Вскоре мы остановились на пороге ночного заведения. Так как на улице было еще день, двери бара были закрыты, но Патрика это совершенно не смутило. Он достал из кармана ключ и ввел его в скважину замка.

— Что ты делаешь?! — воскликнула я, принявшись осматриваться по сторонам. Как не стыдно мне в этом признаваться, но я решила, что Патрик хотел проникнуть внутрь незаконным путем.

— Один из владельцев бара — мой приятель. Я арендовал это помещение на пару часов.

— Зачем? — Я на самом деле не мола понять для чего Патрику все это было нужно. Я знала, что в это заведение ходят в основном взрослые мужчины, любящие крепкие напитки и звуки живой музыки, но сама там никогда не была.

— Минуточку терпения и вскоре сама все узнаешь.

Дверь открылась, и мы вместе вошли в темное помещение. Окон здесь не было, а потому свет проникал внутрь только из открытой нами двери. Но вскоре Патрик ее прикрыл, и тьма взяла нас в плотное кольцо. На миг мне даже стало не по себе. Я стояла на месте и боялась даже пошевелиться.

В темноте послышались шаги Патрика, а затем звук щелчка. Прямо над моей головой загорелись две лампы. Вскоре к ним присоединились другие, включаясь постепенно, словно огоньки на взлетной полосе. Последними включились лампочки, осветившие сцену, на котором стояли: микрофон на штативе, стулья, гитары — прислоненные к стене, и черное фортепиано.

— Мы вчера говорили о том, что ты хочешь послушать, как я играю на гитаре. А мне захотелось послушать твою игру на пианино. Вот я и решил устроить этот небольшой музыкальный кружок.

Я звонко рассмеялась, а мой голос отозвался густым мелодичным эхом. Акустика здесь была на высоте.

— Мадмуазель, — Патрик склонил голову и протянул руку. — Прошу, идите за мной.

Мы прошли мимо деревянных столов и стульев, от которых пахло лаком и виски, поднялись на сцену и Патрик указал мне на стул, перед фортепиано. Я присела и осторожно открыла крышку. Прежде чем начать игру, я повернулась лицом к Патрику.

— И как только тебе удастся в каждый раз удивлять меня?

— Это все магия, крошка, — произнес он, поведив руками, так же как это делают все фокусники.

Его чуть ли не детская непосредственность вновь заставила меня смеяться.

— И что ты хочешь, чтобы я исполнила?

— Любое произведение на твой выбор.

— Ладно, только потом не жалуйся.

— И не подумаю.

Я положила пальцы на клавиши и заиграла первое, что мне пришло в голову. Спустя мгновение тишину бара заполнила прекрасная музыка «River flows in you» в моем более или менее удачном исполнении. Вначале я играла осторожно, подбирая неторопливо каждую ноту, но вскоре мои пальцы запорхали над клавишами, превращая неуверенные звуки — в волны кристально-чистой мелодии.

Патрик слушал меня молча и внимательно. Его лицо было задумчивым, а глаза блестели, словно в них появились слезы. Когда я закончила, он мне громко поаплодировал.

— Это было прекрасно.

— Спасибо. Теперь твоя очередь спеть мне что-нибудь на гитаре.

— Не уверен, что у меня получится столь хорошо, как у тебя, но я попробую.

— Уж постарайся, — хохотнула я.

Патрик взял в руки одну из гитар и сел на стул. Прежде чем начать играть, он закурил сигарету. Его лицо расплылось за клубами белого дыма. Он наклонился слегка вперед, отчего украшающий его шею шнурок с разноцветными камнями высвободился из-под его майки, свободно повиснув.

— Дорогие леди и джентльмены, — заговорил он низким бархатистым голосом. — Сегодня я хочу исполнить песню группы «Metallica» — «Nothing else matters», которую я посвящаю своей любимой девушке. Валери, эта песня для тебя.

Его пальцы пришли в движение и струны на гитаре задрожали, а помещение бара наполнили звуки новой композиции.

Я смотрела на Патрика, как мышка на удава, не имея сил и возможности оторваться от его брутального вида: от его прищуренного взгляда, от его длинной рыжей челки, от приоткрытых губ и зубов, что сжимали фильтр сигареты, от бугристого рельефа мышц на руках и тех, которые не могла скрыть даже майка. Все в нем было идеально: и тело, и душа. Я любила его. Любила впервые в жизни по-настоящему. Мне хотелось растянуть эти минуты на бесконечность.

В отличие от меня, Патрик не просто играл на гитаре, но еще пел. И каким же приятным баритоном наградил его Всевышний. Он пронизывал меня до глубины души и расплывался по всему телу вспышками света, переливающимися всеми цветами радуги. Я поняла что плачу, только тогда, когда капелька слезы сорвалась с моей щеки и упала на деревянный пол.

Не в силах больше сидеть на месте, я подошла к нему сзади и обняла его за широкие плечи, прижавшись щекой к его уху. А он продолжал играть, заполняя наше уединение — идиллией.

— Тебе понравилось? — спросил он, закончив песню.

— Очень.

— Может, попробуем что-нибудь спеть на пару?

— Отличная идея. Что исполним?

— Как ты относишься к творчеству Адэль?

— Отлично.

— Тогда, как насчет ее песни «Hello»?

Вместо слов я принялась играть выбранную Патриком мелодию. Он идеально подхватил ее на гитаре, а когда пришло время слов, запел. Мы тонко чувствовали друг друга и дуэт

фортепиано и гитары, созданный нами, вскоре превратились в великолепную симфонию звуков, которые стали настоящим гимном нашей любви. Уж не знаю, какую оценку нам бы поставил Саймон Коуэлл, по мне же — мы с Патриком были достойны всех премий Грэмми, раздававшихся в этом году.

После «Hello», пошли другие песни. Мы так увлеклись своим только что созданным дуэтом, что даже не заметили, как пролетели два отведенных нам часа.

Звуки аплодисментов вывели нас из полу-гипнотического состояния, когда мы с Патриком исполняли песню Эда Ширана «Thinking out loud». Ни я, ни Патрик не заметили, как высокий мужчина в ухоженном костюме нарушил наше уединение.

— Прошу меня извинить, но два оговоренных часа уже истекли.

Патрик посмотрел на свои часы.

— И вправду. Как быстро летит время. Джон, это моя девушка — Валери. Валери — это Джон. Владелец данного заведения.

Мужчина коротко кивнул, я ответила тем же.

— Я здесь стою уже около пяти минут и слушаю ваше выступление, — сказал Джон. — Признаться, я давно так не слушал с удовольствием живое выступление. Вы не хотите спеть у нас, скажем, через неделю?

— Спасибо, но нет, — покачал головой Патрик.

— Жаль, вы бы имели успех у зрителей. Кстати, сегодня у нас выступает молодая, но очень перспективная группа из Европы, называется «Trolls and hunters». У них нет постоянного гитариста. Я бы мог поговорить с ними насчет тебя, Патрик. — Переведя на меня взгляд, он добавил. — Да и от клавишника они бы не отказались. Что скажете?

— К сожалению, мне всего семнадцать, — ответила я. — Мне еще школу закончить надо, а затем колледж. Времени на гастроли у меня нет.

— Я тоже пас, Джон, — произнес Патрик, возвращая гитару на место. — У меня слишком много обязанностей перед семьей, чтобы просто взять и все бросить. К тому же я не могу жить и дня без моей девушки.

Он взял меня за руку, делясь со мной своим теплом.

— Что ж, — вздохнул Джон. — Дело ваше. Но если передумаете, вы знаете, где меня искать.

Патрик поблагодарил Джона, пожав ему руку.

Покинули мы заведение в прекрасном расположении духа. На улице уже начало темнеть. Возвращались мы на свою улицу прижавшись друг к другу и напевая, в этот раз а капелла, недопетую песню в баре.

Во вторник после уроков у стен школы меня снова ждали. Только в этот раз это был не Патрик. Ждал меня человек, которого я меньше всего ожидала и хотела видеть. Это был Шон на своем новеньком «форде». Как я не надеялась, что он меня просто не заметит, этого не случилось. А все потому, что он приехал как раз именно ради меня. Радости от такой новости я не испытала ни на йоту.

— Привет, Валери, — поздоровался он со мной, да с таким тоном, словно мы виделись только вчера, при этом расстались если не любовниками, то — лучшими друзьями.

— Чего тебе надо Шон?

— Просто хотел с тобой поговорить.

— Нам не о чем с тобой говорить.

Я развернулась, чтобы удалиться, но он, обогнув машину, догнал меня и схватил за запястье. Встретившись с моим гневным взглядом, он тут же меня отпустил и даже сделал шаг назад.

— Да ладно тебе, я просто хочу объясниться с тобой.

Ты можешь себе такое представить? Подумать только: он просто хочет объясниться! Да кому нужны были его объяснения?! У меня не было ни малейшего желания, ни слушать его, ни стоять рядом с ним, ни вдыхать запах его дорогих духов.

— Мне этого не нужно.

— Но это нужно мне! — настоял он.

— С чего вдруг? Ты со всеми девушками объясняешься спустя неделю, после того как переспивешь с ними и исчезнешь в никуда?

— Я был неправ — признаю. Поэтому я хочу исправиться и извиниться перед тобой.

— Ладно. Начинай извиняться, — решила я подыграть ему. И хотя о мести я уже совсем позабыла, мне снова захотелось кому-то причинить боль. И Шон подходил на эту роль как никто другой.

— Я поступил, как последняя скотина. Мне нет оправдания! Но все это время я думал только о тебе. У меня никак не получалось тебя забыть. Такого не испытывал еще никогда. И тогда я подумал, если не увижу тебя и не попытаюсь искупить свою вину, то — никогда не прощу этого себе.

— Это все?

— Да. Ты простишь меня?

— Нет, Шон. А еще у меня есть парень. И я его очень сильно люблю. Ты ему даже не подметки не годишься.

— Да брось ты, — покачал он головой и попытался снова прикоснуться ко мне, но я была наготове и не позволила ему это сделать. — Как можно полюбить кого-то в течение каких-то семи дней?

— Очень просто. Те, кто только пользуется людьми, не узнает что такое «любовь» даже прожив долгую жизнь.

— Видимо он особенный парень, раз смог обворожить тебя столь быстро, — с нотками завистливой обиды выговорил Шон.

— Здесь ты прав, Шон. Патрик — самый лучший парень, которого может только пожелать любая девушка. Вы с ним совершенно разные.

— Мне больно это слышать, — предупредил меня Шон. В его глазах появилась грусть.

— Я очень рада этому, — солгала я. Как мне не хотелось в этом признаваться, но мне стало неожиданно жалко Шона. — Мне пора домой.

— Позволь мне хотя бы тебя подвезти, — оживился он. — Я хочу хоть немного загладить вину перед тобой. Прошу, только не отказывай мне. Для меня это очень важно.

— Нет, Шон, не могу, — покачала я головой, хотя сама уже чувствовала, что готова сдаться практически без боя. Видимо, Шон это тоже почувствовал, а потому продолжил умолять меня.

— Пожалуйста, Валери. Я тебя очень прошу. Я не хочу, чтобы ты считала меня своим врагом.

— Хорошо. — Я так и не смогла ему отказать, но предпочла сделать вид, что я согласилась только потому, что хотела поскорее закончить этот разговор. — Довезешь меня до дома, а после этого мы станем друг другу чужими.

— Но ведь не врагами, — улыбнулся он и поспешил открыть дверцу своей машины для меня. Я, стараясь изображать апатию, села на сиденье и пристегнула ремень безопасности, даже не осознавая, что словно бабочка попала в сети коварного паука.

Шон говорил о многом, пока рулил в нужном мне направлении: о том, каким он был идиотом, о том, что и не думал причинять мне боль, о том, что завидует моему новому парню. Все это звучало вполне искренне, и я даже не заметила, как попала вновь во власть его чар. Что не говори, но убеждать он мог. Со временем я поняла, что не я была счастливой обладательницей природного магнетизма, а Шон. И пользовался он им на полную катушку, владея своим даром так же, как шеф-повар орудует острым ножом. В какой-то момент я даже представила себя Беллой, расположением которой пытаются завладеть сразу двое сногшибательных парня, с вычетом мистической составляющей.

«Форд» сделал остановку не перед фасадом моего дома, а на стоянке перед закусочной.

— Зачем мы здесь остановились?

— Я сегодня ничего не ел, — ответил Шон, глуша мотор. — Все переживал о том, как пройдет наша встреча. Теперь, когда я спокоен, мне захотелось что-нибудь поесть.

— Сначала отвези меня домой, Шон. Потом можешь набивать свой желудок, пока он не лопнет.

— Да ладно, Валери. — Он снова прикоснулся ко мне и взглянул своими молящими глазами, используя все свое обаяние. — Не откажи мне в удовольствии пообедать со мной.

— Меня дома ждут.

— Мы зайдем всего на пол часика. Обещаю.

И вновь я оказалась заложницей своей излишней доверчивости.

— Хорошо. Но только на полчаса.

Мы вошли в закусочную и заняли один из свободных столиков. Официантка — миловидная девушка лет тридцати — предложила нам меню. Вначале Шон захотел его внимательно изучить, но стоило мне нервно кашлянуть в кулак, как он тут же закрыл меню и попросил принести нам что-нибудь из уже готового.

— А пить что будете?

Шон решил дать мне возможность выбрать.

— Мне диетической колы, — попросила я.

— Мне тоже.

Официантка ушла. У нее была прекрасная фигура, которую подчеркивали светло-синие

шпанишки. Я специально проследила за взглядом Шона, но он, удивив меня, был полностью заинтересован только мной.

— Как школа?

— Нормально.

— Учителя не досаждают?

— Не больше, чем некоторые сплетники и задиры.

— Ты о чем?

— О том, что ты всем раструбил о той ночи! — снова вспыхнула я, заерзав на стуле. Еще минуту назад я была готова простить Шона, сохранив о нем нейтральные воспоминания, как неожиданно вспомнила про удар в спину от него. Да, с ним нужно было держать ухо востро. Его очарование заставляло забыть о многих гадостях, к которым он был причастен и звон колокольчика разума часто оставался неслышанным. — Ты не представляешь, сколько я натерпелась из-за тебя.

— Валери, — нежным голосом изрек он, попытавшись коснуться моей руки. Но я успела ее одернуть назад. «Ну, уж нет!», подумала я, «В этот раз у тебя не получится меня околдовать!». Поняв, что его уловка не удалась, Шон послушно убрал руки, сложив их перед собой. — Возможно, я не самый лучший парень во всем мире, но я уж точно не негодяй. Я бы не стал так с тобой поступать... ни с кем бы не стал.

— Тогда откуда всей школе стало известно про нас?

— Я понятие не имею.

— Не ври мне!

— Я говорю правду! — Он слегка наклонился вперед и пристально взглянул мне в глаза. Сама не знаю почему, но я ему поверила. И тут же начала думать о том, кто мог еще проболтаться. «Может, это была Сара Грейбл?». Конечно же, это был он, но тогда я поверила словам Шона.

— Это уже не важно, — сказала я. — Все разговоры на этот счет уже исчерпали себя.

— Да, я слышал, что один из самых приставучих парней даже попросил у тебя прощение прилюдно. Берусь предположить, что здесь не обошлось без вмешательства твоего нового парня.

Я не стала отрицать, только поправила его из-за слова «новый». Патрик был моим просто «парнем». Чтобы стать «новым», нужно было расстаться со «старым». А такого у меня не было.

— Я поражен, — произнес Шон. — Он достоин уважения. Может, мы с ним познакомимся когда-нибудь. Встретимся втроем или же вчетвером, если мне удастся познакомиться с кем-нибудь.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— А мне кажется — наоборот. Мне бы хотелось послушать историю вашей любви. А еще я хотел бы услышать ту хохму, в которой повествуется, как вы с Патриком закидали мой дом яйцами.

Его голос резко изменился. Он тут же потерял свое обаяние, превратившись в хищного зверя. Что ж, теперь мне стало ясно: кто был «Эдвардом», а кто пародией на «Джейкоба».

— Мне надоела твоя компания, — заявила я, вставая из-за стола. — Отвези меня домой. Немедленно!

— Нам ведь еще еду не принесли, — уже более спокойно заметил Шон. Неужели он думал, что мне в горло хоть один кусочек полезет, после сказанных им слов?

— Я хочу уйти! — настояла я и в этот самый момент нам принесли заказ.

— Не говори глупостей, Валери. Сядь, поешь, выпей и через десять минут я тебя отвезу домой. А если ты решила, что я злюсь на тебя из-за детской шалость, то — это не так. Я просто хотел проверить свою догадку: ты это сделала или нет? Судя по твоей реакции — это была ты.

— Мог бы просто спросить, а не нападать на меня.

— Еще раз прости за это, — чуть ли не промурлыкал по-кошачьи Шон. — А если я бы тебя спросил об этом спокойно, ты бы мне ответила правду?

Скорее всего — да. Хотя, кого я обманываю: я бы стала отрицать это, даже если бы мне предложили кругленькую сумму денег.

— Вот видишь, — словно читая мои мысли, продолжил Шон, беря в руки столовые приборы.

— Я не хочу есть, — прочеканила я каждое слово.

— Я тебя и не заставляю. Но попрошу все же подождать пока я поем. Затем, сдержу свое слово и отвезу тебя домой.

— Я пойду в уборную.

Я встала и направилась в сторону нужной мне двери. Справлять нужду мне не хотелось. Скорее я просто хотела привести себя в порядок и собрать в кучу разбросанные по всей голове мысли. А для этого мне нужно было находиться как можно дальше от Шона.

Пробыв в уборной около пяти минут, я вернулась к столику. Шон практически успел опустошить свою тарелку.

— Как ты? — осведомился он, и, будь я проклята, если в его голосе не звучало сочувствие.

— Жить буду, — отпарировала я. — Ты поел?

— Еще немного. Ты не будешь есть свою порцию?

— Я уже сказа, что нет.

— Выпей хотя бы колу.

Я взяла стаканчик в руки и сделала два больших глотка через трубочку.

— Доволен? — спросила я, ставя стакан обратно на стол.

— Более чем. — Шон вытер рот салфеткой, затем достал из кармана бумажник и бросил на стол пару новеньких купюр. — Поехали, я отвезу тебя домой.

Мы вернулись к машине, и уже тогда я почувствовала, что мое тело слабеет. Меня клонило в сон. Я не могла этого не заметить, ведь у меня не было привычки устраивать «тихий час» в обеденное время. Я посмотрела в зеркальце и увидела, что мои веки слипаются. И все же, я даже не думала искать причины для этого, решив, что вскоре сон пройдет, стоит только вернуться домой и засесть за уроки.

— Как ты познакомилась со своим парнем? — спросил меня Шон, глядя на дорогу.

— Как это обычно бывает: увиделись, промелькнула искра между нами и мы поняли, что созданы друг для друга, — ответила я.

— Выходит, ты его любишь? Можешь не отвечать, все и так видно по твоему цветущему виду. И это не я один заметил: о переменах к лучшему в твоём настроении говорят практически все твои одноклассники.

— Ты разговаривал с ними обо мне? — уточнила я, зевнув.

— Не то чтобы целенаправленно. Просто я заметил одну девушку в твоём классе. Мне захотелось с ней познакомиться, и тут я услышал хорошую новость о тебе. Я удивился, ведь в

похожей ситуации девушки еще долго не могут забыть парня, который был у них первым. Неужели он так хорош в любовных делах?

— Это не твое дело. — Мне хотелось сказать это как можно строже, но у меня не вышло — слабость и желание спать становились все сильнее. Я приложила ладонь ко лбу, дабы убедиться, что у меня не было жара. Лоб был холодным.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — голос Шона прозвучал слишком слащаво, с нотками насмешки.

— Да. Просто устала. — Только произнеся эти слова, меня осенило. — Ты что-то подсыпал мне в колу, больной ублюдок!

— Да за кого ты меня принимаешь, Валери? Разве я мог?! — возмутился Шон, но уже спустя мгновение расхохотался довольный собой.

Я схватилась за сумочку, чтобы воспользоваться телефоном и позвать на помощь, но не смогла его найти. Видимо, пока я была в уборной, Шон не только подсыпал мне что-то в газировку, но и рыскал в моих личных вещах.

— Что-то потеряла? — с издевкой спросил он.

— Мне надой выйти, — сказала я, обращаясь сама к себе, и ослабевшими руками схватилась за ручку дверцы. Шон тут же включил центральный замок.

— Не говори глупостей, Валери. Нельзя выти из машины, которая на ходу.

— Тогда останови ее, — потребовала я заплетающимся языком.

— Остановлю, как только мы приедем.

— Куда ты меня везешь? — уже шепотом спросила я, откинувшись на спинку сиденья. Голова стала слишком тяжелой, чтобы удерживать ее на плечах без усилий.

— Ко мне домой, — не стал скрывать Шон своих планов. — Мои родители уехали на Гавайи, так что дом в полном нашем распоряжении. Не волнуйся, после твоей выходки я воспользовался услугами чистильщиков, и теперь окна снова блестят как прежде. Никаких следов желтка и яичной скорлупы.

— Зачем ты меня везешь к себе? — спросила я. Вроде бы ответ был очевиден, но я никак не могла уловить его. В эти минуты я с трудом могла вспомнить имя своего собеседника, а включить мыслительный процесс — и подавно.

— Я хочу доказать тебе, что ты все еще не знаешь, что такое наслаждение от секса. Признаюсь, я тогда не старался. Да и у тебя это был в первый раз. Немудрено, что для тебя твой рыжий ухажер стал идеалом в постели. Я тебе докажу, что ты ошибаешься на его счет.

— Я усну и ничего не почувствую, — я все еще пыталась мыслить здраво и рассуждать логически.

— Почувствуешь, — уверено заявил Шон. — Когда эффект от снотворного пройдет, ты уже сама будешь просить меня не останавливаться. Я заставлю тебя забыть того другого и запомнить меня до конца своих дней.

Мне захотелось признаться, что он по-прежнему оставался единственным мужчиной, с которым я была близка, а с Патриком мы дальше поцелуев так и не продвинулись исключительно по моей просьбе. Патрик был готов ждать столько, сколько я попрошу, и это делало его по-настоящему особенным. И уж точно Шон был ему не ровней. Это все равно, что сравнивать «лабутены» с китайскими подделками. Мне многое хотелось ему сказать, да только силы меня окончательно покинули. Я еще не спала, но уже находилась в полудреме.

— Мы приехали. — Шон заехал на террасу и завел машину в гараж. — Надеюсь, ты не против, если мы войдем в дом не через парадную дверь. Ты только не подумай, что я

стыжусь тебя, просто не хочу, чтобы нас видели соседи. Нам ведь ни к чему свидетели.

— Отпусти меня, — выдавила я из себя.

— погоди. Через час ты уже будешь умолять меня остаться на всю ночь.

Он разблокировал дверь, затем вытащил меня из салона машины. Я не сопротивлялась, так как не была в силах этого сделать. Закинув мою руку себе за шею, а свою — положив мне на талию, он потащил меня в дом.

Даже в состоянии, сравнимом с сильным опьянением, я обратила внимание на красоту дома Шона. Он был больше нашего. Столы, стулья, шкафы и прочие вещи были явно сделанными на заказ и не имели аналогов. На стене висела огромная плазма с мощными динамиками. На потолке висела люстра, которая переливалась радужными цветами на свету. Всю эту картину я смогла восстановить в памяти спустя почти неделю, а в первые дни я не помнила практически никаких деталей.

Он потащил меня на второй этаж, продолжая говорить о том, какой он прекрасный любовник и о том, что он это мне докажет в скором времени. Я к тому времени уже молчала — мне уже было все равно. В моих грезах я была уже далеко отсюда — на зеленом лугу у серебристой речки, где пыталась покормить с ладошки Пинки Пай — поняшу из мультфильма «Дружба — это чудо». Стоило Пинки сделать шаг мне навстречу, как я возвращалась в компанию мерзкого Шона. К счастью с каждым шагом Шона, я снова перемещалась на луг, где меня ждала розовая пони.

Вспоминая свои грезы сейчас мне становится смешно, но тогда мне все казалось правильным и вполне естественным.

Приоткрыла я глаза в реальном мире, когда Шон сбросил мое несопротивляющееся тело на постель.

— Еще секунду детка, и ты окажешься на седьмом небе от счастья, — пообещал Шон и оказался прав. Спустя секунду, я уже гуляла по облакам вместе с Радугой Дэш.

Не спрашивай меня: почему в своих грезах я видела именно персонажей этого мультфильма, так как я сама не знаю на этот вопрос ответа. Куда уместнее была бы встреча с Эдвардом Калленом или же с Гейлом Хоторном.

Шон принялся расстегивать мою блузку. Стоило ему ее распахнуть, оголив мой живот и лифчик, за спиной Шона появилась тень. Раздался крик, рычание, грохот треск, глухие удары, завывания и все в таком духе. Мне стало интересно и я попыталась приподняться на локтях, чтобы лучше все разглядеть, но — без толку. Руки меня не слушались. Мне оставалось лишь смотреть в потолок и слушать звуки ударов и крики, доносившиеся словно из-под воды.

Не знаю, сколько времени прошло, когда передо мной возникло опять лицо. Только в этот раз это был не Шон. Да, мой друг, ты прав — это был Патрик. Он застегнул мою блузку, затем подхватил меня на руки и вынес из проклятого дома, так как это делают мускулистые пожарники-красавцы в фильмах. В бреду я даже видела Патрика одетого в униформу, а за его спиной всполохи пламени.

— Шон, ему нужна помощь, — прошептала я. Даже после всего случившегося, я боялась, что Шон мог сгореть в огне.

— Не волнуйся за него, — произнес Патрик. — С ним ничего не случится.

Вечером, после приезда полиции и медиков, которые засвидетельствовали мое отравление неким наркотическим веществом, чьи следы были найдены в коле, которую я пила в закусочной, Патрик мне рассказал, каким образом он оказался в нужное время в

нужном месте.

Он дожидался меня неподалеку от родительского дома, желая устроить очередной сюрприз. Видя, что я задерживаюсь, он поехал в школу. Там он узнал от одного из моих одноклассников, что я уехала на черном «форде». Патрику не пришлось долго раздумывать о том, кому могла принадлежать данная машина. Он знал, где живет Шон, по той простой причине, что бывал уже вместе со мной у его дома, когда мы кидали в окна оставшиеся яйца. Не теряя времени, он поспешил к дверям, которые оказались запертыми. Тогда он взобрался по трубе на второй этаж к окну, которое было открытым. Таким образом, он попал в дом. Чтобы найти нужную комнату, ему потребовалось около минуты, так как на втором этаже их было не меньше дюжины. К счастью для меня, прибыл он вовремя.

Вызвав медиков и полицию, он также сообщил о случившемся моим родителям. Медики меня отвезли в ближайшую больницу, а полиция арестовала Шона. Теперь его ждало суровое наказание по двум-трем статьям.

Но это были далеко не все хорошие новости. Куда важнее для меня было решение моих родителей позвать на ужин Патрика. Им хотелось получше узнать моего спасителя. А вот за подобный поворот событий, я была готова простить Шону все. Но не стала. Ведь в его планы все же не входило укрепление связи между мной и Патриком, пусть даже все так удачно сложилось.

Еду мы заказали из ресторана, так как моя мать никогда не отличалась кулинарными способностями. Мне хотелось все же угостить Патрика домашней едой, а потому я сама стала за плиту. Из всего ассортимента возможных блюд, я решила остановиться на своем фирменном блюде, которое я не редко готовила себе сама, но зачастую пробовала только лишь малую часть — Джулс и отец оказывались расторопнее меня. Этим блюдом была яичница с ветчиной и помидорами. Мне показалось, что именно это блюдо, приготовленное мной, будет для нас с Патриком очень символичным. И этот символизм будет понятен только нам двоим.

Патрик постучал в дверь нашего дома точно в назначенное время. На нем была зеленая — под стать фамилии и цвету глаз — рубашка с длинным рукавом, оранжевый — сочетающийся с его волосами — галстук и серые в белую полосу брюки. Я рискнула предположить, что это был единственный представительный наряд в его гардеробе. В руках он держал букет цветов — для моей матери.

Родители встретили его радушно. Патрик не упустил момента и похвалил интерьер дома, после чего мы все прошли в столовую. Я старалась держаться слегка в сторонке и не показывать уж слишком ярко все те эмоции радости и восторга, которые меня одолевали в эти минуты. А это, стоит отметить, было очень сложно сделать. Ведь даже в самых смелых мечтах я не могла представить, что день, в котором Патрик переступит порог нашего дома в качестве желанного гостя, настанет, да еще столь скоро.

— Как вам новый запах лесной свежести, мистер Стоун? — спросил Патрик, обращаясь к моему отцу.

— Прекрасно, — ответил тот. Вытерев рот салфеткой, отец пояснил для нас с матерью. — Патрик работает на мойке и вчера он делал химчистку салона нашей машины. Удивительное совпадение.

— Значит, вы занимаетесь мойкой автомобилей? — уточнила мать, выпрямив спину. Одна из ее бровей слегка приподнялась. Мне была знакома данная поза, говорящая: «Ты не моего круга, приятель». Я очень надеялась, что эта поза с минуты на минуту не отобразится и в ее словах.

Патрик не знал столь хорошо мою мать, как я, а потому, не чувствуя неловкости из-за распахнувшейся пропасти социального неравенства, спокойно ответил:

— Да, миссис Грин. Уже больше года. Я стараюсь, как могу помогать моей матери и своему младшему братишке. У меня в планах найти дополнительный заработок, так как денег всегда не хватает.

— Какой же ты заботливый и ответственный, парень, Патрик, — баз малейшей нотки издевки в голосе произнесла мать, а затем и вовсе ввела меня в ступор дальнейшими словами: — Я бы посоветовала тебя, Вал, обратить внимание на этого симпатичного молодого человека: он знает цену деньгам, а еще способен на благородные поступки.

«Что это с моей матерью?», задалась я вопросом. «Ее что, незаметно для меня подменили? Или она попала в секту, где ей промыли мозги, превратив в незнакомого мне человека?». Если насчет секты я была права, тогда я сама была готова вступить в ее ряды.

— Благодарю за добрые слова, миссис Грин, — кивнул Патрик, после чего взглянул на меня и улыбнулся.

— А как дела у Марти? — спросила неожиданно Джулс так же присутствовавшая за столом, но ведшая себя как никогда тихо.

— Марти? — переспросили в унисон мои родители.

Если бы мы с сестрой сидели рядом, я бы с удовольствием ее пнула под столом, но нас разделяла мать. Мне и в голову не пришло поговорить перед ужином с Джулс и попросить ее ни в коем случае не упоминать о том, что мы с Патриком хорошо знаем друг друга. Теперь оставалось только сожалеть о своей недалёковидности.

— Это мой брат, — ответил Патрик, немного погрузнев. — Он болен. Эта одна из причин, по которой я бросил школу и начал работать.

— Что с ним? — захотелось уточнений моей матери, а потому я задумалась о прошении повторной процедуры промывки мозгов для нее.

— У него рак.

— О, Господи, нам очень жаль. Надеюсь, прогнозы утешительные?

— Врачи стараются не давать никаких гарантий. Но надежды на выздоровления есть. Его организм положительно реагирует на прописанное лечение.

— Откуда ты знаешь про Марти, Джулс? — продолжила задавать неприятные для меня вопросы мать. Я хотела вступить в разговор, но Джулс меня опередила:

— Тебе бы стоило чаще выходить на улицу и разговаривать с соседями, мамочка. Для большинства жителей нашей улицы — это не новость.

Мать, смущено улыбнувшись, вернувшись к ужину. За столом повисла тишина, во время которой все присутствующие в столовой более основательно взялись за еду. Пока глаза родителей были в основном устремлены в тарелки, мы с Патриком обменивались подмигиваниями и улыбками.

Наши влюбленные гляделки нарушил голос моего отца.

— А почему твоя мать не пришла на ужин, Патрик?

— К сожалению, она слишком уставшая. Сегодня у нее было много работы. Да и Марти не с кем было оставить.

— Очень жаль, — подхватила тему моя мать. — Надеюсь, если в следующий раз нам представится возможность встретиться вновь за обеденным столом, она почтит наш дом своим присутствием.

— Я тоже на это надеюсь, — согласилась я с матерью. Если я не ошибаюсь, то это была моя первая реплика за вечер.

— Спасибо вам за гостеприимство, — поблагодарил Патрик.

— У тебя есть какие-нибудь увлечения? — спросила я, решив стать полноценным участником беседы.

— Да. Я люблю баскетбол и играю на гитаре.

— Удивительно, Валери тоже увлекалась игрой на музыкальном инструменте, — сказала мать, после чего тут же не упустила шанс для колкости. — К моей огромной печали, она бросила музыку. Наша дочь такая непостоянная.

— Мама, хочу тебе напомнить, что я даю уроки игры на пианино, — заступилась я за себя.

— Родная, оттачивать способности — это конечно же очень хорошо, но новому ты уже не научишься. А и сколько ты еще будешь обучать местных детей музыке? Очень скоро они превзойдут тебя по мастерству и тогда они откажутся от твоих услуг и наймут более профессиональных учителей.

Как видно, я ошибалась: моя мать осталась все такой же жесткой и стержневой женщиной, какой всегда была. Я хотела огрызнуться и напомнить ей о том, что мое умение играть на пианино возможно никогда не превысят определенной планки, зато, в отличие от ее увлечений из молодости, таких как фотографирование в обнаженном виде, мои — даже спустя пятьдесят лет — вполне смогут мне еще пригодиться. К счастью начать семейную столовую войну мне не позволили слова Патрика:

— Я бы очень хотел послушать твою игру, Валери.

Я улыбнулась. Возможно, со стороны это могло выглядеть как смущение, но на деле эта улыбка говорила нам двоим о многом, напоминая о нашем импровизированном дуэте в ночном клубе.

— А я увлекаюсь художественной гимнастикой, — напомнила всем о себе Джульс. — Если хочешь, я могу показать несколько движений.

«Мне кажется или маленькая чертовка решила отбить у меня парня?», мелькнула мысль у меня в голове.

— В другой раз, дорогая, — сказал отец. Хоть кто-то из членов семьи за этим столом был все еще на моей стороне. — На сегодня никакой самодеятельности. К тому же с полным желудком не стоит совершать акробатические пируэты.

— А я бы все же послушала, как ты, Патрик, играешь на гитаре, — продолжила тему моя мать.

— Я бы с радостью, да только не прихватил с собой инструмент.

— Тогда, позволь взять с тебя слово, что при следующем визите мы насладимся твоим талантом.

— Хорошо. Если только этот «следующий раз» будет.

— Обязательно будет! — уверено заявила мать чуть ли не фальцетом, вода острым ногтем по стенке бокала, в котором дрожало белое вино.

«То ли я схожу с ума, то ли у меня появилась вторая конкурентка за день. Хотя, волноваться нет причин. Я уверена в своем превосходстве. И не удивительно — ведь мне противостоит малолетняя разгильдяйка и дама далеко не первой молодости».

— Как вам ужин? — повторил попытку сменить тему отец.

— Все очень вкусно, — заверил его Патрик. — Особенно нравится то, что еда совсем не похожа на ту, к которой я привык есть дома.

— И чем вас почивает матушка, Патрик? — осведомилась моя мать. Я и не знала, что в ее лексиконе существуют такие словечки.

— В основном рыбными блюдами. Традиционными для моих родных мест.

— Как интересно. И откуда вы? Из Ирландии?

— Нет, — мотнул головой Патрик и нервно кашлянул в кулак. — Из Норвегии.

— О, как интересно. Так вот какая страна наградила вас красивой нордической внешностью.

— Спасибо вам за комплимент, миссис Грин.

— Не стоит, право слово! Я просто заметила очевидное.

Если и дальше беседа продолжилась в том же ключе, то моя мать наверняка бы назвала со временем Патрика «сударем» или же попросила станцевать с ней пасодобль.

— Ого! На улице уже ночь, — заметил отец, кладя вилку и нож на тарелку. — Как быстро летит время.

— Да, и думаю, мне уже пора, — понял намек Патрик.

Меня одолевали противоречивые чувства: с одной стороны я не хотела, чтобы мой Патрик уходил, а с другой — стоило заканчивать все эти неловкие разговоры, зачинщицей которых была моя мать.

Поблагодарив еще раз за ужин, Патрик встал из-за стола. Я, в свою очередь, поблагодарила его за спасение чести. Мы всей семьей проводили его до дверей и, пожелав взаимной спокойной ночи, попрощались с ним. Прежде чем развернуться и уйти, Патрик встретился со мной взглядом. И хотя не было произнесено ни единого слова, мы прекрасно поняли друг друга.

«Я люблю тебя, Валери Стоун».

«И я люблю тебя, Патрик Грин. И уже скучаю».

Когда Патрик ушел, отец закрылся в своем кабинете, мы с матерью принялись убирать со стола грязную посуду. Джулс к нам не присоединилась — она всегда вовремя скрывалась из вида, когда речь заходила об уборке, стирке и прочих разных мелочах, присутствующих в твоей жизни, если тебя угораздило родиться девочкой. Пока мы занимались этим не слишком увлекательным делом, моя мать не брезговала остатками вина, которые остались как в ее бокале, так и в раскупоренной бутылке. Ничего удивительного — она была знатной любительницей этого алкогольного напитка.

— Какой замечательный этот парень — Патрик, — заговорила она. Судя по слегка заплетающемуся языку, она уже чувствовала легкость в своем теле и в общении со мной.

— Да, он милый, — как бы между прочим согласилась я, хотя на деле мне хотелось петь и плясать от радости.

— Милый? — передразнила меня мать, после чего громко рассмеялась. С вином она явно уже переборщила. — Деточка, видимо, ты еще слишком юна, чтобы разбираться в мужчинах. В Патрике чувствуется стержень, который есть не в каждом мужчине. А еще в нем есть потенциал, пусть даже сейчас в его кармане нет и гроша.

— А тебе не кажется, что ты слишком стара для него? — разозлилась я. — К тому же, я хотела бы тебе напомнить, что ты уже замужем. Ты не забыла об отце?

— Родная, я все прекрасно помню, — заверила она меня, доливая остатки вина в бокал, а заодно расставляя тарелки в посудомойке. — Твой отец — прекрасный человек, за что я его и люблю. Но первая любовь никогда не забывается.

— Патрик — твоя первая любовь?! Мать, ты пьяна.

— Нет, не Патрик, — покачала головой мама, после чего взглянула на меня так, словно видела перед собой тупую деревенщину. — Глен.

— Глен?

— Он был моей первой любовью. Каким же он был красивым...и, кстати, рыжим.

О таких подробностях из жизни своей матери я слышала впервые. Теперь мне стало ясно: от кого я унаследовала слабость к огненному цвету волос.

— Он был тем, с кем я познала в первый раз радость любовной страсти и тягости разлуки. Он был прекрасным любовником. Таких как он я больше не встречала, хотя мужчин в моей жизни было немало.

— Господи, я же твоя дочь! Неужели ты считаешь, что мне следует все это слышать?

— Ох, родная. До чего же ты глупая. Ты понятие не имеешь, что такое любовь, страсть, томительные минуты ожидания, боль расставания и надежда на скорую встречу. Глен...он ведь был беден, как церковная мышь. — В глазах моей матери появились слезы, в то время как ее глаза смотрели на дверь, ведущую в прошлое. Кому-то ее нужно было закрыть

поскорее, прежде чем она успеет ляпнуть нечто, за что ей завтра будет стыдно.

— Ты забыла включить посудомойку.

Мать послушала меня, да только так и осталась одной ногой стоять в воспоминаниях.

— Мои родители были против наших отношений. Они считали, что Глен недостойн меня. Что мне нужен жених из обеспеченной семьи. Вскоре им удалось меня убедить в этом. — Моя мать допила остатки вина и положила на стол опустевший бокал. — Как же он плакал при последней нашей с ним встрече. Бедный, Глен. Мой бедный, бедный, Глен. Он очень сильно меня любил.

Уже по обеим ее щекам текли слезы, но на губах играла улыбка, рожденная приятными воспоминаниями, пусть даже у них и был привкус горечи.

— Ты знаешь, что с ним стало? — спросила я, сама не заметив, как увлеклась историей прошлого своей матери, о котором я не знала. До этого мне всегда казалось, что сердце этой женщины просто не способно испытывать сильные чувства.

— Он стал богатым человеком. Открыл несколько фирм в разных отраслях. Женился. Завел двоих детей. А семнадцать лет назад разбился на частном самолете в горах Шотландии, откуда был родом. — Улыбка пропала с ее лица, вместо этого, уголки ее губ опустились вниз. — Я узнала о его смерти спустя три дня после твоего рождения.

Мне стало не по себе, потому как я догадалась, что последует далее.

Моя мать повернулась ко мне и тихо произнесла:

— На миг мне показалось, что его смерть была связана с твоим рождением. И хотя я старалась отогнать от себя эти мысли, я так и не смогла полностью искоренить их из своей головы.

Мне стало холодно и неуютно стоять в одном помещении с этой старой, пьяной, преследуемой призраками прошлого женщиной.

— Я не виновата в том, что ты рассталась с Гленом, — злость так и рвалась наружу из моей груди.

— Знаю, родная, — вздохнула она. — Виноваты были мои родители, социальное неравенство, предрассудки и, главным образом, я сама. Моя детская наивность и нерешительность стоили мне любви всей моей жизни. Я люблю и ценю твоего отца, но той любви, которую я испытывала к Глену, я больше не знала ни с кем. Единственное, чему я рада, так это тому, что лишилась девственности с человеком, которого любила всей своей душой. И возлегла я на его ложе, не спустя пару часов, после нашего с ним знакомства.

Ага, теперь мне стало понятно, куда она клонила. Я-то думала, что она была слишком пьяна, чтобы держать язык за зубами, но оказалось, что в ее словах крылась мудрость, с которой она хотела поделиться со мной.

— Время для уроков прошло, мама. Я уже была близка с Шоном и этого уже не изменить.

— Знаю, — в очередной раз вздохнула она. — Этот разговор нужно было начать еще год назад. Надеюсь, ты не повторишь моих ошибок, и когда у тебя самой будет дочь, не забудь ей рассказать о мудром наставлении ее бабки.

На этом первый доверительный разговор между матерью и дочерью подошел к концу. Испытывала я двоякие чувства: вроде была радость, что я наконец сблизилась хоть немного с матерью, узнав про ее секрет, который не знал даже мой отец, а вроде была и неловкость — словно я побывала в священном обители, являясь при этом атеисткой.

Этой ночью я уснула поздно, думая о матери, о Патрике и о себе. Мне казалось, что я

была обязана принять некое важное решение, но никак не могла понять, в чем оно заключалось.

Мой отец встает раньше всех, а потому, когда я появилась на кухне, чтобы приготовить себе тосты с плавленым сыром, он уже сидел за столом, пил кофе и читал утреннюю газету. Минут через десять появилась Джулс и принялась умолять приготовить и ей тостов, обещая, что в следующий раз будет ее очередь за мной ухаживать. Я пошла на уступки, хотя не верила ни единому ее слову.

Мать появилась уже привычно позже всех, когда мы с сестрой уже закончили завтракать, а отец — изучил передовицы.

— Доброе утро всем. Ну и напилась же я вчера. Ничего не помню.

Эти слова были произнесены в первую очередь для меня. Видимо мою мать этим утром беспокоили стыд и неловкость из-за вчерашнего разговора со мной — и точно не похмелье. Она решила сделать вид, что ничего не помнит.

— Мне пора на работу. — Отец отложил газету, надел пиджак, до этого висевший на спинке стула и покинул дом, попрощавшись у дверей.

В отличие от слов матери, поведение отца меня ничуть не удивило — он всегда был молчалив и скуп на эмоции: ни поцелуев перед уходом, ни пожелания хорошего дня.

— И когда это ты начала встречаться с Патриком? — задала неожиданный для меня вопрос мать.

— Ты о чем? — я решила сохранять хладнокровье и не показывать эмоций на лице, за исключением непонимания.

— Брось, родная, я видела, какими взглядами вы обменивались на протяжении всего ужина. Такие не рождаются в течение одного вечера.

— Ты ведь говорила, что напилась вчера, — напомнила я.

— Ну, начало ужина я сохранила в своей памяти.

— Примерно неделю назад, — не стала я отпираться.

— И вы уже успели...ну, ты понимаешь, о чем я.

— Нет! — воскликнула я, к счастью мне не пришлось лгать. Но мне совершенно не хотелось обсуждать такие тему с матерью, да еще в присутствии младшей сестры.

— И как так случилось, что Джулс узнала о Патрике раньше меня?

«Мать всегда отличалась проницательностью, но здесь не обошлось без Джулс!», догадалась я, и тут же зыркнула на сестренку своим испепеляющим взглядом.

— Я здесь не при чем! — прокричала Джулс, пытаясь защитить тосты от моего посягательства: я готовила их для младшей сестренки, а не для болтушки, не умеющей держать язык за зубами.

— Твоя сестра говорит правду, — вступилась за Джулс мать. — Она ничего мне не говорила.

— Это все равно не делает из нее святую! — Да, гораздо легче продолжить гнуть линию обвинения, чем просить прощение. А в качестве милости и великодушия, можно вернуть тост, который мне все же удалось у нее отнять.

— Будь осторожна, дитя, — сказала мне мать, готовя себе кофе. — Не стоит торопиться в любовных делах. Патрик — молодец, что вчера заступился за тебя, но это еще не значит, что он именно тот, кто тебе нужен.

«Ах вот оно что!», догадалась я. «Сказка о том, что она ничего не помнит из вчерашнего

вечера из-за выпитого вина, была специально сказана, для того, чтобы оправдать утренние нравоучения».

— Позволь мне самой разобраться в своих личных делах, — как можно строже и непоколебимо прочеканила я слова.

— О, да. Ты всегда считала себя умнее своей матери. Но не забывай, что опыт приходит с годами.

— И что ты предлагаешь?! Чтобы я с ним рассталась?!

— Нет, — покачала головой мать, чем меня сильно удивила. — Я просто хочу, чтобы ты была осторожна. Предательство всегда легче пережить, если ты к нему готова.

— Патрик не предавал меня! И не предаст! — полностью уверенная в своих словах, воскликнула я.

— Надеюсь, что так и будет.

На этом наш разговор закончился. Нужно было торопиться к остановке, пока школьный автобус не уехал без меня и Джулс.

Этот день в школе мало чем отличался от остальных. Я бы даже не стала о нем упоминать, если бы не одно «но». В коридоре, между вторым и третьим уроком, я разговорилась с тремя девчонками, среди которых были и Фэй Питерсон — «Мисс Лучшая Черлидерша Восточного побережья». Вначале это походило на непринужденную дружескую беседу, пока речь не зашла о парнях. А началось все с того, что Джессика Барнс — еще одна девушка из группы поддержки школьной команды по футболу — подцепила парня, чьи родители были владельцами компании по изготовлению деталей для компьютеров. Другими словами: они гребли деньги лопатой.

— Повезло тебе, Джесс, — не скрывая зависти, отметила Фэй.

— Да ладно, тебе, подруга, — хохотнула Барнс. — Ты ведь тоже встречаешься с не самым последним парнем в городе. Джордж — лицо нашей школы и его ждет прекрасное будущее в профессиональном спорте.

— Пожалуй, ты права, — вякнула та в ответ, затем с сочувствием посмотрела на меня. — Вот кого надо жалеть, так это нашу глупышку Вал.

Ее слова показались очень забавными остальным девчонкам. Я тут же почувствовала себя «белой вороной».

— Ты о чем, Фэй? — потребовала я объяснений.

— Ты ведь встречаешься с этим рыжим парнем — Патриком.

— Да. Здесь ты права. — Мне хотелось схватить ее за плечи и начать трясти как болванчика.

— Он ведь живет на грани нищеты. Работает на мойке.

— Точно, — чуть ли не захопала в ладоши Джесс. — Как раз вчера он мыл машину моего парня. А я думала: почему он мне так знаком?

— Его мать — прачка, — продолжила Фэй своим противным голосом. — А еще, я слышала, что его брат смертельно болен.

— Вовсе не смертельно! — вступилась я за Марти и за все семейство Гринов. Хотя где-то глубоко внутри я уже слышала тихий мерзкий голосок, твердящий: «Девочки, да я же такая, как и вы — из хорошей семьи. Патрик — просто парень, который живет на той же улице. Я могу в любой момент положить конец нашим отношениям!».

— Извини, — также слащаво и лживо брякнула Фэй. — Возможно, и не смертельно болен. Да это и не столь важно.

— Что с тобой случилось, Фэй? — потребовала я ответа. — Ты ведь сама еще несколько дней назад завидовала мне, из-за того что я встречаюсь с Патриком.

— Завидовала? Громко сказано, Вал. Да, я сказала, что Патрик — симпатичный парень, с плохой репутацией и с высоким уровнем тестостерона. Такие — нравятся девушкам. Я была не прочь переспать с ним, но встречаться... Это бы сильно ударило по моей репутации.

Хохоча, девушки удалились, оставив меня одну. Чувствовала я себя отвратно. Словно меня окатили из помойного ведра. Мне захотелось вернуться домой, закрыться в своей комнате и никого не видеть... особенно Патрика. Слова Фэй заставили зародиться в моем сердце мерзкому чувству неприязни в адрес моего норвежского «ирландца». Теперь мне казалось, что я не смогу не то что поцеловать его при встрече, но даже прикоснуться к Патрику не испытав при этом апатии. Видимо, тогда моя любовь к нему была еще не так крепка, как в эти дни, когда я говорю с тобой, мой воображаемый друг.

Я все же вытерпела все уроки, запрограммированные в этот день, и только после этого отправилась домой. Патрик позвонил мне, когда я уже стояла на пороге. Мне не хотелось отвечать, но когда песня Тэйлор Свифт, установленная в качестве входящего сигнала, перевалила свою половину, я сдалась и ответила.

— Привет, любовь моя, почему так долго не отвечаешь?

— Забыла сменить сигнал с виброзвонка на обычный, — солгала я.

— Окей, — принял он мою ложь за чистую монету. — Я соскучился и очень хочу тебя видеть. Давай встретимся.

— Извини, Патрик, не сегодня.

— Что-то случилось?

«Да, случилось! Твое низкое положение в обществе меня очень сильно смущает. Тебе стоит обзавестись миллионным состоянием, и тогда я стану твоей».

— Нет, просто голова болит. Видимо слегка простыла.

— Я сбегая в аптеку и куплю все что нужно. — В его голосе чувствовалось волнение.

— Не стоит. Мои родители уже обо всем позаботились.

— Как же мне хочется заключить тебя в своих объятьях. Уверен, мое тепло и любовь быстро снимут все симптомы болезни.

— Извини, Патрик, но я больше не могу говорить. Моя мать с минуты на минуту должна войти в мою комнату с чаем и медом.

— Хорошо, не буду тебя больше беспокоить. Выздоровливай, Вал. Целую. Я тебя очень сильно люблю.

— Я тебя тоже.

Я первой нажала на кнопку отбоя вызова. Мой рот заполнился привкусом горечи. Чувство апатии усилилось. Только в этот раз я испытывала ее к себе, а не к Патрику. Я решила, что мне стоит избегать его на протяжении последующих трех дней. Именно столько времени мне было нужно, чтобы разобраться в своих чувствах.

Ночью я спала плохо, ворочаясь с боку на бок. На лбу проступил пот, а тело бил легкий озноб. Казалось, моя мнимая болезнь пришла ко мне на самом деле.

Утром следующего дня я проснулась с огромными мешками под глазами. Голова гудела, а ноги с трудом удерживали меня в стоячем положении. На всякий случай я даже проверила у себя температуру. Градусник утверждал, что я была вполне здорова. Физически — возможно. А вот в душе у меня все горело и стонало.

Как я и ожидала, Джулс не проявила желание готовить мне тосты, да я и не настаивала.

Мне не лезло в горло ничего, даже чай. Отец спросил меня о самочувствие. Я ответила, что со мной все в порядке и поспешила покинуть дом. На следующий вопрос: «А как же завтрак?», я не удосужилась ответить.

По коридору школы я шла как неприкаянное привидение: опустив голову вниз, скользила через живой поток, стараясь ни к кому не прикасаться. Больше всего я боялась встречи с Фэй или с кем-то еще из ее вчерашнего окружения. Очередных насмешек я бы не выдержала. Быстро войдя в класс, я села за парту и стала ждать начала урока.

Класс заполнился, прозвенел звонок, но Фэй так и не появилась. Зато на уроке присутствовали Джессика и остальные девушки, присутствовавшие вчера при разговоре. Фэй не появилась и на втором уроке, и на третьем...

Мне стало любопытно и я решилась спросить об этом Джесс.

— Как, ты не знаешь? — удивилась она.

— Что я должна знать?

— Фэй еще не скоро появиться в школе. Вчера после уроков она поругалась со своим парнем. Слово за слово, они столь сильно завелись, что Джордж даже ударил ее, поставив ей под глазом большущий синяк. — Джесс рассказывал все это с таким энтузиазмом, словно речь шла о сцене из фильма, а не про ее лучшую подругу.

Всегда сложно и грустно слышать о том, что кому-то из твоих знакомых причинили боль. Но в те минуты, мне хотелось прыгать до потолка от подобной новости. А все потому, что Фэй, по моему мнению, получила по заслугам от парня, которого она считала достойным находиться рядом с собой. Что ж, так оно и было: такие как Фэй всегда будут встречаться с такими как Джордж. И пусть Патрик был не спортивной звездой школы, и пусть его фамилия не была «Трамп», «Буш» или «Гейтс», зато я была уверена, что он никогда не поднимет на меня руку. В том у меня не было сомнений.

Вера — это конечно хорошо. Но уверенность — куда лучше. Ты не находишь, мой воображаемый друг?

Сразу после школы я сама позвонила Патрику и назначила ему свидание. Он пообещал, что сделает все возможное, чтобы освободиться с работы пораньше. И как всегда сдержал слово: уже в восемь вечера он ждал меня в парке. Мы прогулялись под падающей листвой. Он спросил о моем здоровье, я сказала, что мне уже намного лучше.

— Ты знаешь Фэй Петерсон? — спросила я своего парня.

— Нет. А должен?

— Она моя одноклассница. Встречается с квотербеком школьной команды.

— И?

— У них вчера произошла ссора, и он ее ударил.

— Ты хочешь, чтобы я с ним поговорил? — не раздумывая спросил Патрик. Меня это одинаково восхитило и напугало. Патрик был бесстрашным и это мне в нем нравилось. Но Джордж был чуть ли не вдвое тяжелее него, и мне не хотелось, чтобы мой парень пострадал, защищая честь девушки, которая этого не была достойна.

— Нет! Ни в коем случае! Ты мне нужен живой.

— Ты не веришь в мою способность постоять за себя или за кого-то кто в этом нуждается? — рассердился Патрик.

— Что ты! Я совсем не это имела в виду. Я просто не хочу, чтобы у тебя были проблемы.

— С проблемами я уже давно научился справляться. Они меня не пугают.

— Я завела этот разговор не для того, чтобы обидеть тебя, Патрик или же усомниться в твоих способностях, — поспешила я загладить свою вину перед ним из-за своих необдуманных слов.

— Тогда для чего?

— Мне было интересно узнать: ты способен поднять руку на женщину?

— Любой мужчина, который считает себя таковым, никогда не ударит того, который заведомо слабее него. Мужчина, ударивший женщину, не имеет право больше так называться.

— Спасибо, — улыбнулась я и прижалась к его крепкому плечу. — Именно это я хотела услышать.

— А я хочу услышать от тебя ответ на вопрос: какие у тебя планы на выходные?

— Вроде бы я ничего не планировала. Почему ты спрашиваешь?

— Хочу одолжить машину у мамы и отвезти свою девушку на побережье Атлантического океана. Как тебе такое предложение?

— Не поздновато для купаний? — спросила я, провожая взглядом очередной падающий лист.

— Купаться не обязательно. — Патрик остановился перед лавочкой и предложил присесть. — Можно будет просто погулять по берегу, встречая рассветы и провожая закаты. Выпить коктейль на открытой террасе и послушать крик чаек.

От его слов мое воображение тут же заработало во всю силу. Я услышала крик птиц, шум волн и даже почувствовала солоноватый привкус на губах. Я бы с радостью согласилась на его предложение, да только не все было так просто.

— Я бы очень этого хотела, но мои родители будут против.

— Им можно и не говорить правду. Скажешь, что хочешь провести ночь дома у подружки.

— Они ни за что в это не поверят. Даже в детстве я не любила ходить с ночевкой к подругам и никто не приходил ночевать к нам.

— Тогда скажи им правду.

— И получу отказ.

— Не обязательно. — В зеленых глазах вспыхнул привычный блеск. Это значило, что Патрик уже придумал некий беспроектный план. — Мы возьмем с собой Марти и Джулс.

— Ты это серьезно? — Это могло сработать, да только присутствие Марти, и особенно Джулс, могли только испортить романтическое настроение.

— Почему нет? Для Марти будет полезен морской воздух.

— А Джулс станет гарантом для моих родителей, что мы будем под пристальным надзором и не позволим себе лишнего, — подхватила я.

— Ну, я вполне могу держать себя в руках, — усмехнулся он, целуя меня. — Но если ты чувствуешь недостаток силы воли, тогда без присмотра Джулс нам не обойтись.

Я засмеялась, после чего крепко обхватила руками его шею и окончательно отдала свои губы в его полное распоряжение.

Мои родители, что и следовало ожидать, встали в позу, категорически запретив мне ехать куда-либо с Патриком. Но стоило мне предложить совместную поездку с Джулс и Марти, мать, а затем и отец растаяли и дали добро.

— Ладно, я разрешаю, — кивнул отец. — Два дня — не более.

— Хорошо, отец.

— Я так рада! Так рада! — заскакала как горная коза Джулс по комнате, где проходил разговор. — Надо собрать вещи и не забыть купальник.

— Никаких купальников! — возразила мать. — На дворе уже не лето.

— А можно я тогда Триш с собой возьму? — попросила Джулс, обращаясь отчего-то к матери, а не ко мне.

— Нет! — запретила я и даже разрешила воздух ладонью. — Нас и так будет четверо. Твоих подруг еще нам не хватало.

— Чем вас будет больше, тем — веселее, — не согласился со мной отец. Я еще повозмущалась, но все же сдалась, поняв, что мой отец не готов сдавать позиций. К счастью, как выяснилось потом, родители Триш не позволили ей поехать с нами, к моей великой радости.

Еще одним поводом для радости стало решение отца отдать нам свою машину для поездки. Старенький автомобиль Гринов не вызвал у него доверия. Отцовский «Ауди» был практически новым, в нем исправно работал климат-контроль, а еще была встроена хорошая музыкальная система.

Собрав вещи и пообещав родителя, что мы будем осторожными, мы отправились в путь в пятницу вечером. Перед самым отъездом, отец решил переговорить с Патриком и взять с него слово, что он будет внимательным водителем, следовать всем правилам движения, не превышать скорость и не пить за рулем. А еще Патрик пообещал, что не даст нас с Джулс никому в обиду. Только после этого мы отбыли, чувствуя себя независимыми и свободными от любой опеки.

Путь ожидался быть долгим, но и увлекательным. Джулс и Марти заняли сиденья сзади. Моя сестра была в предвкушении увлекательного путешествия. Марти тоже был возбужден.

И судя по его порозовевшему лицу — находился в приподнятом настроении.

Я же с удовольствием наблюдала за видами, что мелькали за окном, и наслаждалась компанией Патрика, что сидел рядом. Смотрелся он за рулем «Ауди» в разы лучше, чем хозяин автомобиля, пусть даже на нем была майка и легкая куртка, а не рубашка и пиджак, коим отдавал предпочтения отец.

Во время поездки мы распевали песни и играли в игры, типа «Отгадай слово» и «Какого цвета машин нам встретятся больше на пути». Пока Джулс и Марти были увлечены такого рода играми, мы с Патриком не упускали момента улыбнуться друг другу или же взяться за руки.

Пару раз нам пришлось остановиться, так как Марти укачало. Чтобы разобраться с этой проблемой, а заодно и перекусить, мы остановились у «Макдональдса», где поели гамбургеров с картошкой «фри» и выпили Колы, а еще раздобыли пакет, в который Марти дышал весь следующий путь.

Затем окончательно стемнело и Джулс с Марти уснули. Это позволило нам с Патриком уделить больше внимания друг другу и поговорить о чем-то приятном: о любви, о привязанности, о порхающих бабочках в животе и прочих нежностях.

Машина ехала по ровной трассе, вырывая из мрака лучами фар разделительную полосу, знаки дорожного движения, ограды, деревья, другие машины. В салоне играла еле слышно тихая ненавязчивая музыка. Мне стало прохладно и я укрыла Джулс и Марти покрывалом, а другое приберегла для себя. Укрывшись им до самого подбородка, я еще какое-то время глядела на ночные виды за окном, пока, сама того не заметив, не уснула.

А проснулась в самом начале восхода солнца из-за того, что ровная дорога сменилась небольшой тряской и звуком трения резины о гальку. Через лобовое стекло на меня смотрело темно-серая гладь Атлантического океана, в котором отражалось не менее серое небо. И лишь тонкая золотистая полоска вдоль горизонта, обещала скорый разлив по воде и облакам всей палитры рассветных красок.

Зевнув, я подтянулась и тут же скрыла лицо пледом, оставив неприкрытыми лишь глаза. Мне не хотелось, чтобы Патрик меня увидел сонную и неухоженную. Он, догадавшись о причинах моих действий, улыбнулся, после чего протянул руку, ухватившись за плед, и потянул его вниз. Посопротивлявшись немного, я сдалась. С гордым видом победителя, он нагнулся ко мне и поцеловал. От него пахло дымом сигареты и лавандовым мылом. Чем от меня пахло в эти минуты? Понятие не имею, но я надеюсь, что столь же приятно, как и от него.

— Фу, я не хочу на это смотреть, — раздался брюзжащий голос с заднего сиденья.

Мы разом повернулись в сторону Джулс и засмеялись.

— Тогда тебе стоит посмотреть на то, что перед нами, — предложил Патрик и склонился в сторону, чтобы Джулс было легче разглядеть океан, шумящий перед нами.

— Ого! — воскликнула она, своим криком разбудив и последнего члена нашей команды. — Марти, ты только посмотри на это!

Глаза Марти — сонные и все еще очерченные темными болезненными кругами — стали округлыми от удивления, а затем и восторга.

— А мы можем выйти из машины? — спросил он своего брата.

— Конечно, — дал добро Патрик и тут же обе задние дверцы распахнулись настежь и Джулс с Марти поспешили к самому краю воды. Джулс добралась первой. Марти подоспел немного позже.

Оказавшись одни в машине, мы воспользовались моментом для очередного продолжительного поцелуя, и только после этого присоединились к малышне.

Выбранный Патриком пляж был совершенно пуст, но судя по сохранившимся следам на песке — он не был диким и неизведанным. Эти следы выглядели подошвой спортивной обуви и тянулись параллельно водной линии. Скорее всего, они принадлежали женщине, которая совершала постоянные пробежки вдоль воды.

Взявшись за руки, мы подошли к Джулс и Марти, встав за ними. К этому времени горизонт стал насыщенного золотисто-розового цвета, обещая вскоре «заразить» яркими красками всю океанскую гладь.

Справа от нас возвышалась бухта, созданная скалами, под которыми, должно быть, были пещеры. Я сделала подобное предположение из-за громкого глухого звука, издаваемого волнами, что накатывали на камни, раскидывая ввысь и в стороны брызги воды. Ветер трепал наши волосы, за исключением Мартиных. Их у него просто не было. Но даже если и были — это бы ничего не изменило, так как на его голове была вязаная шапочка.

Мы стояли словно замороженные, глядя на «рождение» солнца, боясь пошевелиться или заговорить. Эти мгновения останутся навсегда в моей памяти. О таких моментах не говорят, их сложно описать словами, но они сохраняются глубоко в памяти и предстают яркими картинками в наших воспоминаниях.

По моим щекам потекли слезы, когда солнце наконец появилось на горизонте. Вода под ним заискрилась и задрожала, меняя цвет. Могло показаться, что кто-то разлил в океан галлоны плавленного золота.

— Как же это красиво, — прошептал Марти. — Я никогда не видел ничего похожего.

— Поверь — это только начало многих других чудесных открытий, которые тебе предстоят в будущем, — уверенно произнесла Джулс, обняв малышку за плечи. В свои двенадцать она зачастую быстрее и легче меня находила нужные слова в подходящий момент. Наверняка из-за этого своего качества она была на хорошем счету у учителей и быстро заводила друзей.

Солнце поднималось все выше, осветляя небо и отгоняя от нас ночной холод. В его лучах ярко засверкали камешки, рассыпанные на берегу. Джулс и Марти принялись собирать ракушки, которых под нашими ногами было огромное количество. Они соревновались в том, кто быстрее соберет их больше, при этом не забывали друг другу хвастаться находками, которые отличались размерами, формами и цветом.

— Только не отходите от нас далеко! — потребовал от них Патрик, заодно притянув меня поближе к себе, чтобы поцеловать.

— Я хотела бы остановить время, чтобы эти мгновения никогда не кончались, — прошептала я, находясь под влиянием момента.

— Не стоит. — Патрик обнял меня, согревая в своих объятьях. — Я обещаю, что буду делать все возможное и невозможное, чтобы таких дней в нашей жизни было как можно больше.

Какой же счастливой я была тем утром. И как же мне не хватает Патрика сегодня. Он обещал мне, что похожих дней в нашей жизни будет еще много, но этому не суждено сбыться. И виной тому не он, а я. Но тогда я не знала, какое будущее нам готовит судьба, я просто жила и наслаждалась каждой минутой рядом со своим любимым парнем.

Полюбовавшись рассветом, мы отправились на поиски ближайших домиков, в которых мы бы могли остановиться на ближайшие два дня. Нам повезло найти один свободный у

самого берега океана. Внутри было немного места и всего одна кровать, на которой, по настоянию Патрика, должны были спать мы с Джулс. На раскладном кресле предстояло провести эту ночь Марти. А вот сам Патрик выбрал себе место на полу.

Перебросив вещи из машины в арендованный домик, мы отправились на поиски кафе, дабы позавтракать. Такое нашлось очень скоро. Расположилось оно неподалеку от берега, но не настолько близко, чтобы его унесло приливом. Я заказала себе блинчики с кленовым сиропом, Джулс — вафли с черничным вареньем, Патрик — яичницу с беконом и салатом, а Марти имел свою еду, прихваченную из дома. Из-за болезни он держал диету, а потому ел только то, что позволял ему лечащий врач. Он ел брокколи и соевые бобы, при этом на его лице читалась смертельная тоска по чему-то вкусному, пусть даже и вредному для здоровья.

После завершения трапезы, мы вернулись на берег океана. Только в этот раз мы уже не были одни. Вдоль берега прогуливался мужчина, державший за поводок черного лабрадора. В двадцати шагах позади него играли в догонялки три мальчишки не старше Джулс. А еще свежим океанским воздухом дышала пожилая пара, поддерживающая друг друга под локти.

— Когда-нибудь и мы будем такими, — сказал Патрик, приобняв меня за талию. — И за нами будет тянуться длинная история нашей жизни, в которой найдется место для детей, внуков и правнуков.

— Я очень на это надеюсь, — улыбнулась я, провожая взглядом пожилую пару. — А что если кто-то из нас, к тому времени, уже не сможет ходить самостоятельно?

— Если ноги подведут меня, тогда ты будешь толкать мою инвалидную коляску. Если же твои ноги ослабнут раньше, тогда я буду носить тебя на руках.

— И как только у тебя получается находить ответы на все мои каверзные вопросы? — Я обхватила руками его сильную шею и припала к его губам. Джулс и Марти к этому времени немного отделились от нас, уйдя вперед, а потому я могла не опасаться услышать за спиной детские скабрзные шуточки. Патрик обхватил мои бедра руками и слегка коснулся кончиками пальцев округлость моих ягодиц.

— Я хочу тебя, — прошептала я ему на ухо, и это было чистой правдой.

— А как же твоё желание повременить с этим? — спросил Патрик, сжав меня в своих объятьях сильнее.

— Я все еще не хочу торопиться, но иногда ты меня просто сводишь с ума своей красотой... притягательностью... остроумием... чувством юмора... — Паузы возникали не потому, что я долго размышляла над каждым словом, а потому что в эти моменты наши губы соприкасались в пьянящих поцелуях.

— Я готов ждать столько, сколько потребуется.

— Спасибо, мой хороший. Но обещай мне, что если я потеряю над собой контроль, ты напомнишь мне об этом.

— Хорошо. Как думаешь, может нам придумать какое-нибудь стоп-слово для подобных случаев? К примеру «красный».

Я громко засмеялась, обратив на себя внимание пожилой пары.

Джулс и Марти в это время стояли у края воды, что-то разглядывая. Наверное, им повезло встретить медузу, или морского ежа, или морскую звезду. Это было не важно. Главное, что пока они были увлечены океанской фауной, мы с Патриком могли оставаться наедине и говорить о всяких приятных мелочах и глупостях.

Надышавшись свежим воздухом, мы решили отправиться в ближайший городок на поиски развлечений на вечер. Вывеска в окне одного из баров обещала хорошее настроение

и веселье в хорошей компании, под звуки «живой» музыки. Мы с Патриком решили, что это для нас будет интересно, если не найдется другое — более оригинальное — занятие. До начала оставалось еще несколько часов, а потому мы продолжили кататься на машине по городу. Вскоре мы проголодались и остановились в небольшом ресторанчике, где подавали японские суши с роллами. Марти был очень рад, потому как Патрик разрешил ему есть то, что ели мы все. После обеда мы еще немного поглядели на вывески и витрины, после чего решили вернуться на берег океана, предварительно купив уголь в брикетах и упаковку маршмэллоу.

На берегу мы соорудили небольшой круг из камней, в центре которого разожгли костер, подбрасывая в него угли для сохранения хорошего горения. Присев у костра, мы жарили маршмэллоу, водрузив их на палочки.

Вскоре к нашему костру подтянулись местные парни и девушки, словно мотыльки, идущие на свет. Среди них были и владельцы гитар. Мы с радостью согласились на их просьбу присоединиться к нам. Зазвучали гитарные струны под треск костра. Спустя короткий промежуток времени гитара попала в руки Патрика, и он сыграл на пару с парнем по имени Крис песню из фильма «Пираты Карибского моря». У берега, вблизи воды, она зазвучала новыми красками для меня.

Мы очень быстро сдружились с нашими новыми знакомыми и даже не заметили, как стало вечереть. Про наше изначальное решение — отправиться в город, чтобы послушать в баре музыку — никто из нас уже не вспомнил.

Марти устал за этот день и его начало клонить в сон. Джулс решила что и ей уже пора ложиться спать, а потому они вместе отправились в арендованный нами домик. Мы с Патриком остались у костра в кругу новых друзей.

Под шум океана, треск костра, звуки музыки и смех я не расслышала звонок моего телефона. Поэтому Джулс пришлось в спешке возвращаться к костру. По испугу на лице и заплаканным глазам, я поняла, что произошло нечто ужасное. А Патрик догадался, с кем именно произошло это «ужасное». Он вскочил на ноги и побежал к домику. Мы с Джулс с трудом попевали за ним.

Когда мы вошли внутрь, в комнате раздавался отчаянный крик Патрика:

— Марти! Марти, ответь мне! Ну же, боец!

Обмякшее тело Марти лежало в кресле, не реагируя на крики и тряски старшего брата. Его глаза были прикрыты, коже вернулась бледность, голова болталась словно у тряпичной куклы.

— Его нужно отвезти в больницу! — закричала я.

Патрик замер на месте, а потом резко кивнул. Видимо от шока он даже не подумал о том, чтобы обратиться за помощью к врачам.

Схватив брата на руки, Патрик выбежал из дома и поспешил в сторону припаркованной на стоянке машине. Я побежала за ним. Джулс решила не оставаться одна и также последовала моему примеру.

Патрик уложил Марти на заднее сиденье, после чего быстро сел за руль. Как только я с Джулс заняли свои места, машина, сжигая резину, сорвалась с места.

«Ауди» ехал по ночным улицам, освещая фарами коробки строений. Голос GPS указывал нам, когда и куда свернуть, чтобы оказаться перед зданием больницы. Руки Патрика, сжимающие крепко руль, нервно дрожали. Он без конца глядел в зеркало заднего вида, пытаясь разглядеть в нем своего брата, чья голова лежала на худых коленках Джулс.

— Как он там?

— Без сознания.

— Он..., - Патрик запнулся. — Джулс, проверь, пожалуйста, его пульс.

По моей спине побежали мурашки. От мыслей, что с Марти могло случиться непоправимое меня бросало то в жар, то в холод.

— Я не знаю как, — чуть ли не плача, отозвалась Джулс.

— Это несложно. Просто приложи пальцы к его шее под самым подбородком между трахеей и мышечной тканью.

Джулс сделала так, как сказал ей Патрик. Далее пошел отсчет самым длинным десяти секундам в моей жизни. Ответ оказался неутешительным.

— Я не уверена. Вроде бы он есть, но очень слабый.

— Черт! Черт! Черт! — Патрик со злостью принялся трясти руль. — Зачем я его взял с собой?! Как я мог совершить такую глупость?!

— Патрик! Патрик! — Когда он наконец обратил на меня внимание, я медленно но четко произнесла: — Ты ни в чем не виноват. Сами врачи утверждали, что океанский воздух будет ему полезен.

Мой посыл достиг желаемого эффекта — Патрик взял себя в руки, сделав глубокий вдох и выдох. Сразу после этого ему на ум пришла идея.

— Джулс, будь добра, приложи к лицу Марти зеркальце. Проверь, если оно вспотеет.

Я тут же открыла сумочку и принялась искать среди косметических принадлежностей зеркальце. Найдя его, я повернулась и протянула его Джулс, но оказалось, что в моей помощи не было нужды — у моей сестренки была своя собственная косметичка. Иногда я забывала, что Джулс уже не та маленькая девочка, которая любила играть в куклы и ябедничала родителям, когда слышала от меня дурные слова.

На этот раз нам пришлось ждать еще дольше, только в этот раз нас ждал приятная новость.

— Он дышит.

— Слава богу! — обрадовалась я.

В этот самый момент навигатор сообщил, что мы на расстоянии вытянутой руки от места назначения. И вправду: впереди виднелось здание с горящими буквами «Госпиталь».

Патрик остановил машину у самых дверей. На улице стояли двое санитаров, курили и о чем разговаривали. Поняв, что дело срочное, они потушили сигареты и подбежали к машине. Патрик выскочил наружу и подбежал к задней дверце. Взяв Марти на руки, он передал его одному из санитаров.

— Что с ним? — спросил один из санитаров.

— Не знаю. Он потерял сознание. Возможно виной всему лимфома, которой он страдает.

Втроем мы последовали за работниками госпиталя. Внутри, Марти переложили на носилки и покатали их в сторону двустворчатых дверей, за которыми тянулся длинный коридор. Патрик хотел последовать с ними по коридору, но женщина в синей форме медработника преградила ему путь.

— Мальчик в надежных руках! — заверила она его.

— Я ему нужен! Он может очнуться в любой момент, и я должен быть рядом с ним.

— Нет, вы должны присесть на диван и успокоиться. — Женщина подхватила Патрика под руку и повела в сторону указанного дивана. — Я вам дам формуляр для заполнения. Она

поможет врачам оказать мальчику должную помощь. Кстати, кем вы ему приходиться?

— Братом, — голос Патрика продолжал дрожать от волнения.

Женщина дала ему формуляр и стакан воды, чтобы он смог успокоиться. Патрик выпил половину стакана, после чего ему заметно полегчало, затем он принялся заполнять формуляр. Я присела рядом на диван, положив руку ему на плечо. Джулс осталась стоять на ногах в паре шагов от нас.

— Надо позвонить матери. — Патрик достал из кармана телефон. Он вошел в список контактов, когда я его остановила.

— Лучше позвони ей завтра.

— Она должна знать, — настоял он.

— Уже поздно. Не исключено, что ей не удастся добраться до госпиталя сегодня. Ты хочешь, чтобы она не спала всю ночь и переживала за Марти? Лучше подожди до утра. К тому времени мы сможем поговорить с врачом. Или, кто знает, может утром Марти покинет эти стены на своих ногах.

— Ты права, — Патрик кивнул, после чего наклонился ко мне и мы поцеловались.

Оставалось ждать. Более напряженных ночей в моей жизни никогда не было.

Нам удалось поговорить с врачом в четыре часа утра. К этому времени Джулс крепко спала на кушетке. Я с трудом боролась со сном, практически не отходя от кофейного аппарата. А Патрик не находил себе место, считая шаги вдоль и поперек больничных стен.

Состояние Марти было тяжелым, но стабильным. Он пришел в сознание и сейчас просто спал. На данный момент врачами было сделано все, что было в их силах. Им удалось связаться с лечащим врачом Марти, и тот обещал быть к семи часам утра, прихватив историю болезни. Патрику разрешили повидаться с Марти. Я же осталась волноваться в приемной.

В полседьмого появился лечащий врач Марти. Он направился в палату своего пациента, а спустя пять минут к нам вернулся Патрик.

— Как он? — спросила я, вскочив с дивана.

— Он спал все то время, сколько я находился рядом с ним, — устало произнес Патрик. — Я только что позвонил маме и все ей рассказал. Она тоже скоро приедет.

По его щекам потекли слезы. Я подошла к нему вплотную и вытерла их подушечками своих пальцев, затем поцеловала в лоб. Патрик оставался стоять безучастным и смотреть в пол.

— Он должен жить! — зло выдавил из себя Патрик, глядя на сжатые кулаки. — Он слишком юн, чтобы умереть.

— Тссс, — я прижала его голову к своей груди. — С ним все будет хорошо.

Я не знала: верю я своим словам или нет. Болезнь у Марти была слишком серьезной, чтобы утверждать что-либо наверняка, но в тот момент Патрику нужна была поддержка и я делала все, что было в моих силах.

— Я должен успеть научить его всему, что умею сам: играть на гитаре, ремонтировать машины, кидать крученые мячи, общаться с девушками и давать отпор задирам.

— Ты научишь его всему. Даже больше: с годами он и сам тебя чему-то научит.

— Спасибо тебе, Вал. Я очень рад, что ты у меня есть.

Мы стояли обнявшись в холле больницы, стараясь верить в лучшее и надеяться, что будущее нам не готовит новых сложных испытаний.

К концу этого длительного и тяжелого дня, врачи пришли к выводу, что жизни Марти на данный момент ничего не угрожает. Поэтому было решено отправить его на вертолете в больницу, где он наблюдался последние годы. Вместе с Марти на вертолете полетел его лечащий врач и миссис Грин, которая приехала спустя восемь часов после оповещения сделанного Патриком. Прежде чем ее впустили в палату к сыну, она, не останавливаясь ни на минуту, бегала по коридорам и общалась со всеми врачами, которые попадались ей на пути. Миссис Грин хотела знать: что случилось с ее сыном, что стало причиной потери сознания и что конкретно делают врачи, чтобы улучшить состояние Марти. Затем, когда вопросов без ответов уже не осталось, миссис Грин вошла в палату, где лежал ее больной сын, и не отходила от его койки ни на шаг, отказавшись даже от еды и кофе, принесенного Патриком, а затем и медсестрой.

Когда вертолет с Марти на борту взмыл в воздух, мы — я, Патрик и Джулс, — сели в машину и поехали к арендованному домику, забрать вещи. А сразу после этого отправились в обратный путь, в котором не нашлось места для громких разговоров, веселых песен, шуток, прикосновений и подмигиваний.

Патрик смотрел только вперед и изредка отвечал на вопросы или же сам произносил слова на разные ничего не значащие темы.

Мне хотелось есть, но я ожидала, что Патрик первым выкажет желание остановиться у какой-нибудь закусочной. Мне казалось, что если я первой заговорю про еду, это заденет Патрика, и хотя он не станет возражать, все же подумает о том, что я — бесчувственная личность, которая думает лишь о своем желудке, в то время как жизнь Марти висит на волоске. Как я не пыталась убедить себя, что подобная мысль в голове Патрика даже не промелькнет, я так и не смогла заставить себя поднять эту тему.

К счастью для меня на заднем сиденье все еще сидела Джулс, она-то и сообщила нам, что очень голодна. Без малейших пререканий, Патрик пообещал остановиться около первой же закусочной, кафе или ресторана. Спустя пять минут машина сделала долгожданную остановку. Утолив голод, мы продолжили путь, чтобы к началу нового рассвета въехать в родной городок.

Джулс крепко спала, когда машина остановилась около нашего дома. А вот я никак не могла уснуть всю дорогу, погружаясь в легкую дремоту, чтобы спустя минуту — другую проснуться из-за боли в спине, из-за отекавшей руки или же вздрагивания. Чувствовала я себя жутко усталой.

Попрощавшись с Патриком, я взяла с него слово, что он буде держать меня в курсе событий. Он пообещал, и мы на прощание просто кивнули друг другу. Мне хотелось поцеловать его, почувствовать еще раз его дыхание и вкус его губ, но этого не произошло.

Родители поинтересовались, как мы провели эти два дня, а еще спросили: почему мы с Джулс выглядели столь усталыми? Джулс, на правах младшей, ничего не говоря, потопала в свою комнату. А я осталась, чтобы обо всем им рассказать. Разговор получился тяжелым, и не только потому, что мне пришлось рассказать о случившемся несчастье, но и потому, что я с трудом стояла на ногах, готовая в любую минуту грохнуться на пол и захрапеть. Спустя десять мину, родители все же сжалились надо мной и позволили подняться в свою комнату.

Как только моя щека коснулась подушки, я отправилась в царство Морфея.

Спала я крепко до самого полудня. И только перед самым пробуждением я увидела сон о своем двойнике. Я и она стояли у края обрыва и глядели на то, как внизу — в кромешной тьме — порхают яркие разноцветные бабочки. Не сговариваясь (оно и понятно, ведь она была мной, а я — ею) мы начали их считать, и каждая из нас надеялась на четное количество. Ведь если их было парное число, тогда Марти Грин должен был обязательно выздороветь.

Я проснулась как раз в начале спора между мной и мной. Одна я твердила, что бабочек двадцать четыре, а это значило — Марти ничего не угрожает. В то время как друга я настаивала, что бабочек двадцать три и что за двадцать четвертую я приняла лепесток розы.

На моем ночном столике стоял поднос. Судя по кривому срезу хлеба, толстому слою масла и слишком сладкому чаю, поздний завтрак мне приготовила Джулс. В подтверждение этой догадки, дверь в комнату распахнулась, и моя сестренка с разбегу запрыгнула ко мне в постель. Она крепко сжала мою шею и смачно чмокнула меня в щеку. Такой Джулс я видела впервые.

— Тебе понравилось то, что я для тебя приготовила? — спросила она с явным желанием услышать положительный ответ.

— Все было очень...вкусно, — не стала я ее разочаровывать. Мне понравился дружественный жест Джулс и, тем не менее, я не упустила возможности сыронизировать. — Только я не пойму: с чего это ты вдруг решила за мной поухаживать, да еще обслюнявить мне лицо?

— Я хотела сделать тебе приятно. Ведь я так рада, что ты есть у меня. Даже не представляю, что бы со мной было, случись с тобой что-то плохое.

Мне все сразу стало понятно. Джулс продолжала переживать за судьбу Марти, произвольно поставив себя на место Патрика. Нехотя я тоже задумалась: что бы я делала, случись врачам обнаружить у Джулс опасную болезнь? Я боялась, что слабость моего духа не позволила бы мне держать себя в руках и быть опорой для всей семьи.

Меня тоже окатила волна сестринской любви и, прежде чем она исчерпала себя, я повалила Джулс на постель и, под обоюдный веселый смех, обняла ее крепко-крепко.

Телефонный звонок от Патрика застиг нас с Джулс во время шуточной борьбы и попыток защекотать друг друга.

— Привет, Патрик. Как Марти себя чувствует? — выпалила я сразу, стоило только нажать на зеленую кнопку.

— Уже лучше, — хотя по его голосу можно было сделать как раз обратное предположение. Вероятнее всего, тому виной была сильная усталость. — Врачи не отходят от него ни на минуту. Они говорят, что его состояние не стабильно и в любой момент все может закончиться...

Патрик замолчал. Ему было сложно продолжать, а мне было сложно найти то единственное слово, которое бы могло его хоть немного приободрить.

— Ему назначили другой метод лечения, — продолжил Патрик, спустя почти минуту молчания.

— Это — хорошая новость? — уточнила я.

— Да. Уже хорошо, что они хоть что-то предлагают, а не пожимают плечами, боясь брать на себя ответственность.

— И в чем заключается этот метод? — я коротко взглянула на Джулс, которая молча смотрела на меня, с трудом сдерживая любопытство.

— Есть экспериментальный препарат из Канады. Вероятность эффективного лечения

— шестьдесят процентов, что очень не плохо

— Но..., - предугадала я, последующее слово.

— Все дело в стоимости. Он очень дорогой. Мы с матерью не потянем полный курс лечения.

— А как же страховка? Благотворительные фонды?

— Боюсь, нам с матерью придется полагаться только на себя... Извини, Вал, меня мать зовет. Я тебе потом перезвоню, хорошо?

— Я люблю тебя, Патрик.

— Я тоже люблю тебя, Валери.

Какое-то время я продолжала вслушиваться в телефонные гудки. Джулс тихо сидела рядом и ждала, когда я введу ее в курс событий.

Стоило мне только все ей пересказать, как ко мне пришла идея. Вскочив с постели, я подбежала к своему тайнику и забрала из него конверт с деньгами.

— Что ты делаешь? — спросила меня Джулс. Судя по выражению ее лица, она была удивлена суммой денег, которой я располагала.

— А ты как думаешь? Хочу отдать все свои сбережения, чтобы спасти жизнь Марти.

— Это ты заработала игрой на пианино? — уточнила Джулс.

— Только ничего не говори родителям. Они не должны ничего знать?

— Почему?

Оказывается, моя сестра была идеалисткой и считала, что решение отдать деньги на благое дело будет воспринято на «ура» всеми членами семьи. Я же была уверена, что ни мать, ни отец не поддержат меня, пусть даже эти деньги были только моими и никто другой не имел права говорить мне как ими распорядиться. Если они узнают, что я отдала все свои сбережения на покупку лекарства для Марти, они не станут меня сильно журить, но потребуют, чтобы все деньги, которые я заработаю впредь, переводились на банковский счет, полный доступ к которому я получу не раньше, чем на свое восемнадцатилетие. И то не факт.

— Потому что они не обрадуются моему решению, — терпеливо пояснила я.

— Но ведь ты потратишь эти деньги на доброе дело, — непонимающе покачала головой Джулс.

— Конечно. Только наши «предки», считают, что деньги, потраченные с умом — это деньги, потраченные на себя.

Джулс покинула мою комнату, ничего не произнеся. Я решила, что мои слова ее каким-то образом обидели, но решила не предавать этому большого значения. Куда важнее было принять душ, одеться и, прихватив деньги, отправиться поскорее в больницу. Мне очень хотелось увидеть улыбку радости на лице своего парня, когда он увидит мой скромный дар, который приблизит его младшего братишку к излечению.

Когда я вышла из душевой, у дверей меня ждала Джулс. В руках она держала несколько купюр, которые протянула мне.

— Что это?

— Деньги. Здесь почти пятьсот баксов. Отдашь их Марти. Скажешь — от меня.

— Откуда они у тебя? — Я и не представляла, что Джулс имела столько наличности. Впрочем, пятью минутами ранее, она сама была на моем месте, когда увидела мою записку.

— Это деньги на карманные расходы. Я не все тратила, а копила на айпад.

— А как же твоя мечта? — спросила я, беря деньги.

— Здоровье Марти куда важнее. Не так ли?

Да. В этом мы с сестрой были похожи. И я рада, что в тот день между нами протянулась еще одна крепкая связующая нить. Постепенно мы превращались из сестер, — которые еще недавно слабо интересовались жизнью друг друга, — в настоящих подруг.

Я незамедлительно заказала такси и отправилась в больницу. Патрик не знал о моем приезде, а мне хотелось сделать ему приятный сюрприз.

Когда я поднялась на нужный этаж, он в это время как раз стоял у окна и нервно тер лоб. Когда он меня заметил, на его губах появилась улыбка, а в глазах появилась теплота, которой удалось растопить холод боли и грусти.

— Вал, что ты здесь делаешь?

— Мне хотелось увидеть тебя.

Он поцеловал меня и крепко прижал к груди.

— Спасибо, что пришла.

— Но эта не единственная причина моего появления здесь.

Патрик приподнял вопросительно бровь. Не затягивая со вступительной речью, я достала из сумочки конверт с деньгами и протянула его Патрику. Он молча открыл его, после чего поднял на меня взгляд, полный удивления и надежды.

— Это..., - он запнулся, не зная, что сказать.

— Эти деньги от меня и Джулс. Здесь не много, но мы надеемся, что они помогут Марти выздороветь.

— Вал, я не могу их принять. Это слишком большие деньги.

Я знала, что он скажет именно эти слова, а потому заранее подготовила ответ:

— Возьми. Мы с Джулс вместе решили: лучше эти деньги пойдут на благое дело, вместо того, чтобы тратить их на всякие безделушки. — Видя, что Патрик все ее не готов их принять, я добавила: — Эти деньги предназначаются для Марти, так что только ему решать: принимает он нашу помощь или отказывается от нее.

Зеленные глаза Патрика заблестели ярче, из-за скопившихся в них слез. Больше не сказав ни слова, он снова крепко сжал меня в своих объятьях и поцеловал меня в левую бровь.

— Когда-нибудь, Валери Стоун, я женюсь на тебе и стану самым счастливым мужчиной на всем белом свете. А знаешь, чем славятся самые счастливые мужчины на свете?

— И чем же? — спросила я, прижавшись к его груди и вслушиваясь в ритмы биения его сердца.

— Они изменяют мир к лучшему и бросают его к ногам своих прекрасных женщин.

— Целый мир — слишком много. Достаточно и небольшого островка, в сердце океана.

— Договорились. Остров — значит остров.

Вскоре к нам присоединилась и миссис Грин. Патрик рассказал ей о деньгах и она, расплакавшись, тоже обняла меня, сказав, что никто и никогда не делала для них столько, сколько сделала я. Я почувствовала и радость от услышанных слов, но и неловкость.

— Думаю, нам стоит поговорить с врачом, — сказал Патрик, прежде чем мое лицо успела полностью стать красным от смущения.

Мы попрощались, но Патрик пообещал, что мы снова увидимся уже сегодня. И он сдержал слово — Патрик всегда держал слово. За исключением того раза, когда пообещал жениться на мне. Но в этом не было его вины. Вся вина лежит только на мне. И я

продолжаю верить, что в моих силах сделать так, чтобы Патрик исполнил данное мне тогда обещание.

Наступил вечер. Патрик предупредил меня заранее, что будет занят на работе допоздна, а потому я осталась сидеть дома. К счастью я знала, чем себя занять — как раз вышла долгожданная мной экранизация книги «До встречи с тобой» Джоджо Мойес с «Дейнерис Бурерожденной» в главной роли.

Фильм оказался гораздо слабее книжного оригинала, а потому я без малейшего угрызения совести отправила его после просмотра в корзину. Денег на его покупку мне тоже было не жалко, так как я воспользовалась кредиткой своего отца. Он конечно же обратил внимание на изменившийся баланс и просмотрел выписку со счета в начале следующего месяца, но скандалить не стал — не такая уж и большая сумма денег была списана.

Отключив компьютер, я взялась за телефон. Погуляв по «фэйсбуку», я переключилась на диктофон. У меня возникло желание признаться в любви Патрику, а для этого я хотела подобрать нужные слова и чтобы улучшить интонацию, принялась произносить слова над динамиком, а потом прослушивать то, что получилось.

Стерев третий вариант, я запустила диктофон, чтобы записать четвертое признание в любви, когда услышала легкий стук камешка в стекло. Я тут же вскочила с кровати и поспешила открыть окно.

Это был Патрик. И хотя он сказал, что задержится на работе, я не сомневалась, что увижу именно его. Вначале я обрадовалась, решив, что будет просто прекрасно посмотреть какой-нибудь еще романтический фильм в компании любимого парня. Но искаженное от боли и грусти лицо Патрика, заставили меня забыть обо всем.

— Вал, — еле слышно произнес он. Казалось, в его горле застрял ком, отчего голос его изменился до неузнаваемости. Его щеки были мокрыми от слез, а руки дрожали, как во время сильного мороза.

Первая мысль была: «С Марти случилось несчастье!». От этих мыслей мне стало плохо. А еще мне захотелось крепко обнять своего любимого, дабы помочь ему справиться с душевной болью.

— Забирайся ко мне, — сказала я.

Пока Патрик лез в окно, я поспешила к двери, чтобы запереть ее на ключ. Мои родители не часто заглядывали ко мне, и все же, мне не хотелось, чтобы они застали нас врасплох, тем более в такой трудный момент.

Патрик выглядел растерянным как ребенок, заблудившийся в торговом центре. Я предложила ему сесть на край кровати, а сама закрыла окно. Когда я вернулась к нему, он сидел опустив голову вниз, разглядывая письмо в своих руках. Он держал его кончиками пальцев, словно он жгло ему кожу.

— Что это? — спросила я.

Не говоря ничего он протянул его мне.

Я также осторожно взяла письмо в руки и расправила лист. Он весь был заполнен печатными буквами, правда я не смогла разобрать смысла ни единого слова. Мне потребовалось не меньше полуминуты чтобы понять — письмо было не на английском.

— Мы его получили час назад, — произнес Патрик, все также с трудом, словно каждое выговоренное слово причиняло ему боль.

Я посмотрела на конверт. Кто был отправителем, я тоже не разобрала, зато поняла,

откуда оно прибыло. Из Норвегии — родины семейства Грин. Разобравшись хоть с этим, я присела рядом с Патриком, погладив его ладонью по спине.

— Он умер, Вал! — сказал Патрик и заплакал.

По моей спине пробежали мурашки. Я догадывалась, что речь шла не о Марти, но о ком еще мог мой мужественный парень так горько плакать, я не имела понятия. Но догадывалась, что все ответы хранило данное письмо, которое я никак не могла прочесть самостоятельно, потому что не знала норвежского.

— Кто умер, любимый? — решила я задать вопрос.

— Мой отец... Он умер в тюрьме.

Такого ответа я не ожидала. Оказывается, отец Патрика сидел в тюрьме. Теперь мне стало понятно, почему он ничего не рассказывал о нем. Видимо, ему было стыдно в этом признаться.

— Мне очень жаль, Патрик.

— Нет, — покачал головой мой парень, да так интенсивно, что я даже расслышала хруст его шейных позвонков. — Не стоит меня жалеть. Ведь я не чувствую боли утраты. Наоборот — я плачу от радости и облегчения. Наконец-то мы можем вздохнуть с облегчением!

Только решив, что я начала что-то понимать, как снова запуталась. Да еще пуще прежнего.

— Что ты такое говоришь? Он ведь был твоим отцом. И не важно, что заставило его оступиться...

— Вал, ты его совсем не знала, а потому не понимаешь, что говоришь! — перебил он меня.

— Тогда расскажи мне. — Я сжала его ладони в своих. — Доверься мне. Мы ведь не чужие друг другу.

Патрик тяжело вздохнул, достал пачку сигарет, сжал одну зубами, но зажигать не стал. И этого было достаточно, чтобы немного успокоить нервы и начать говорить.

— Моего отца называли «Еттерстадским стрелком». Возможно, ты что-то слышала о нем. Почти одиннадцать лет назад это прозвище упоминалось во всех новостных каналах мира.

Я пыталась вспомнить что-то похожее, но не смогла. Мне ведь было тогда всего шесть лет, и новостями я не увлекалась, впрочем, как и сейчас. К тому же речь шла о преступлении (судя по прозвищу), произошедшем в далекой Норвегии.

— Мой отец, сколько я его помню, всегда был неуравновешенным человеком. Он любил алкоголь и часто курил «травку». Раз-два в неделю в нашем доме происходили скандалы, которые почти всегда заканчивались рукоприкладством. Отец бил мать... иногда доставалось и мне. Как правило, на второй день он просил у матери прощения и обещал, что такое больше не повторится. — Патрик старался говорить спокойно и внятно, но голос то и дело начинал дрожать или же подниматься на пару октав выше. — Когда мать забеременела Марти, отец стал скандалить чаще и унять его было практически невозможно. Опасаясь за мое здоровье и здоровье новорожденного еще ребенка, она обратилась в полицию. Те его арестовали... Был суд, который вынес постановление, которое запрещало отцу приближаться к нам ближе чем на сто метров. Он пытался оспорить это решение, но у него ничего не вышло.

Патрик замолчал, ему стало тяжело дышать. Я и представить себе не могла, какой камень на душе лежал у него все эти долгие годы, а он делал все возможное, чтобы не

показывать — насколько сильно влияло на него прошлое.

— У матери начались осложнения. Участились спазмы в животе, и даже пару раз шла кровь. Врачи сделали все возможное, чтобы избежать выкидыша... Я почти убежден, что именно поведение отца стало причиной болезни Марти, и наследственность тут совершенно не причем. Мать сильно переживала, постоянно испытывала стресс из-за его оскорблений и криков. К тому же терпела все его побои.

Я молчала. Мне не хотелось его перебивать, задавая уточняющие вопросы. В таком состоянии, человека просто нужно слушать, давая возможность высказаться.

— Спустя неделю после суда, я проснулся рано утром из-за странного шума за окном нашего дома. Я открыл дверь, выглянул наружу и стоял пораженный увиденным около пяти минут. Возможно, я бы стоял и больше, если моя мать не затащила меня обратно в дом. У лужайки перед нашим домом остановились три машины со спутниковыми тарелками на крыше. Перед ними сновали люди: кто-то держал в руках микрофоны, кто-то камеры, кто-то диктофоны и фотоаппаратами. Столько репортеров я видел впервые в жизни, и сомневаюсь, что такое повторится. На следующий день местные газеты выпустили свои тиражи со мной на передовицах. Я удивленно взирал с цветных и черно-белых листов газет, крепко сжимая в ладони ручку входной двери. Также меня и мою мать показали по телевизору.

О такой неожиданной популярности можно было только мечтать, особенно в столь раннем возрасте. Да только причины такого внимания к нашей семье были не самыми приятными.

Как только мать меня завела обратно в дом, я подскочил к телевизору и сразу же попал на блок новостей с пометкой «Специальный выпуск», горящей тревожным красным цветом. По телевизору показывали фотографию моего отца в нижнем правом углу, высокое офисное здание, где работал отец на протяжении последних семи лет, кордон полицейских, зевак и машины полиции и скорой помощи. Репортер поведала нам, что сегодня утром мой отец прибыл на работу с полуавтоматическим пистолетом и принялся стрелять в своих коллег. Когда количество жертв достигло восьми убитых и двенадцать раненых (трое из которых скончались затем в больнице), а полиция окружила здание, отец добровольно сдался.

От рассказа Патрика мне стало дурно. Я чувствовала себя так, словно прошлась по ночному подвалу, в котором пахло сыростью, испачкавшись с ног до головы пылью и паутиной. Я невольно вздрогнула.

— Суд приговорил его к пожизненному заключению, — продолжил Патрик. Его «адамово яблоко» практически непрерывно ходило вверх-вниз. — Мы ни разу не навестили его в тюрьме. Нам с матерью просто хотелось забыть о нем навсегда... Только нам это не позволили сделать. Соседи отвернулись от нас, незнакомцы глядели осуждающе нам вслед. Меня в школе унижали и обвиняли, утверждая, что мы с матерью носили не меньшую вину из-за случившегося. В каждый день я возвращался из школы с синяками и в порванной одежде. Все попытки моей матери поговорить с директором или учителями не дали никакого результата, даже наоборот — ей самой пришлось выслушивать оскорбления.

Тогда мы и решили покинуть Норвегию и переехать в Америку. Здесь мы нашли столь нужную нам тишину и непредвзятость со стороны соседей. Для всех мы стали еще одной семьей, которая живет по соседству и ничем не выделяется. Мы научились не думать об отце и об его ужасном поступке.

И вот сегодня мы получили письмо. Он умер в тюрьме от сердечного приступа. Умер взаперти как дикий зверь. Именно этого он и был достоин. Жаль только, что это произошло

лишь сейчас, а не еще десять лет назад!

Таким злым я видела Патрика впервые. Его лицо было красным от ненависти к своему отцу. Пальцы без конца сжимались и разжимались. На щеках играли желваки. На шее вздулись вены. В глазах все еще дрожали слезы.

— Он получил по заслугам! Он был плохим человеком и Господь покарал его за это... Но, я никак не могу отделаться от мысли, что я его сын. Его кровь течет по моим венам.

Понимая, что Патрик вновь готов сорваться, я обняла его за плечи и принялась покрывать его голову и шею поцелуями. Мне так сильно хотелось унять его боль и страхи.

— Ты не виноват, — шептала я ему на ухо. — Ты — не он. Никогда им не был и никогда не станешь. Ты лучше него. Ты лучше всех.

Он повернулся ко мне лицом и наши губы соприкоснулись. Наш поцелуй был страстным, а дыхание горячим. Мне хотелось успокоить своего любимого, вселить в него надежду и помочь забыть все плохое. Мне хотелось почувствовать его в себе, стать с ним единым целым. Без лишних слов, я принялась стягивать с него верхнюю одежду, покрывая поцелуями голые участки его кожи. Он целовал меня в ответ, стягивая с меня майку, а затем и все остальное.

Мы занимались любовью впервые с момента нашего знакомства. И это было прекрасно. Он был нежным и осторожным. Его движения, вначале медленные, постепенно становились более ритмичными. Он не прекращал гладить мое тело ладонями, а губами ласкать мой рот и мочки ушей. В самый волнующий момент я с трудом сдержала крик блаженства, боясь, что этим выдам происходящее в моей комнате родителям.

Когда все подошло к концу, обнаженные, вспотевшие и довольные, мы уснули в объятиях друг друга. Без тени сомнения могу утверждать, что это был лучший день в моей жизни, пусть даже он был омрачен историей из прошлого моего любимого «ирландца».

Оставленный включенным диктофон на моем телефоне продолжал записывать звуки в моей комнате до тех пор, пока память на флэшке полностью не заполнилась.

Вот я и добралась до самого сложного для меня момента повествования. Умолчать о случившемся не представляется возможным, потому как в этой части я поведаю о моем предательстве и о причинах, побудивших меня совершить его.

Но, прежде чем погрузиться в дурные воспоминания, я все же начну с хороших новостей. На второй день после нашей с Патриком ночи любви, мне позвонила миссис Грин. Было это между вторым и третьим уроком. Она чуть не плача сообщила мне, что экспериментальное лекарство для Марти дало свои первые положительные результаты — мальчик приходил в себя, а та скорость, с которой его организм боролся с недугом, внушали врачам самые положительные прогнозы на его полнейшее выздоровление. Она решила рассказать мне эту замечательную новость сама, чтобы в очередной раз поблагодарить за помощь и сообщить, что будет в вечном долгу передо мной. Под конец нашего телефонного разговора, миссис Грин призналась, что была бы счастлива, если наши отношения с Патриком закончились свадьбой и мы с ней породнились. От последней фразы миссис Грин я даже почувствовала легкость во всем теле и неистовое желание поскорее увидится с Патриком.

Я не пошла на третий урок. Вместо этого решила устроить сюрприз своему парню, придя к нему на работу. До автомойки я не дошла, зато добралась до нашей улицы, где я и заметила Патрика в компании с некой девушкой. Игла ревности пронзила меня прямо в сердце. И хотя одна часть моего разума твердила, что это просто его знакомая или же родственница, вторая часть просила не выдавать своего присутствия и проследить за ними.

Я послушалась второй части разума и спряталась за «живой» изгородью, прежде чем Патрик или та девушка успели заметить меня. Мое сердце учащенно билось, из-за чего я даже почувствовала приступ тошноты. И хотя Патрик не улыбался ей во время разговора, не пытался прикоснуться к ней, не проявлял никаких признаков симпатии к своей собеседнице, я продолжала испытывать невыносимую ревность.

Спустя минут десять наблюдения, я уже хотела выйти из укрытия и просто подойти к ним, чтобы узнать: кто эта девушка и почему Патрик с ней общается — как вдруг они повернулись ко мне спиной и направились вниз по улице. Медленно, не выдавая себя, я последовала за ними.

Они шли неторопливо, не переставая о чем-то говорить, при этом пару раз, во время прогулки, коснувшись друг друга плечами. Это могло быть просто случайностью, а может быть и чем-то большим. Терзания не оставляли меня ни на минуту. Мне хотелось поскорее получить ответы на все свои вопросы. И я не оставляла надежды, что спустя короткое время я пойму, что зря ревновала Патрика и, как в следствии, рассмеюсь над своими глупыми подозрениями и с облегчением вздохну.

К несчастью вскоре мне пришлось заплакать. И рыдала я на протяжении всего оставшегося дня и даже ночи.

Когда они остановились около высокого забора, огораживающего территорию карьера, мне кольнуло болью в сердце в очередной раз. Я молилась, чтобы они прошли дальше, но Бог решил, что мои просьбы слишком мелки для Его масштабных дел и проигнорировал мою мольбу. Патрик проник на территорию через лаз и помог девушке сделать то же самое, взяв ее за руку. Тогда-то по моим щекам и потекли первые слезы. Возможно, когда-нибудь, я бы

смогла простить ему измену, если бы он стал бы умолять меня дать ему второй шанс, но то, что он отвел ее на «священное» место нашего первого свидания — я бы не простила ему никогда.

С трудом борясь с рыданием, рвущимся из моей груди, я дождалась пока они скроются за холмом и последовала за ними, проникнув на охраняемые земли через лаз.

Патрик и его спутница сидели у обрыва и глядели на воду на дне кратера, точно так же, как и мы с ним когда-то. Разве что в этот раз на небе светило солнце, да и рядом с Патриком сидела не я. Продолжая наблюдать за ними, стоя за толстым стволом клена, я, прижимая ладонью рот, сдерживала в себе рвущийся наружу крик отчаянья.

Мои силы полностью исчерпали себя, когда Патрик нагнулся к незнакомой мне девушке и поцеловал ее в губы... Ох, сложно передать то, что я тогда почувствовала. Казалось, весь мир перевернулся с ног на голову и зашагал в неправильном направлении. Все вокруг меня стало тягучим и тяжелым. Клянусь, если в тот момент по небу пролетала птица, она бы наверняка завязла в синеве, а затем и вовсе рухнула наземь.

Я отвернулась. Мне больше не хотелось видеть этого. Это было слишком сложно. Слишком неправильно. Слишком больно... Все было «слишком» для меня в тот момент.

Я не видела никакого другого решения, кроме как убежать оттуда. Что я и сделала.

Вернувшись домой и закрывшись в своей комнате, я начала рыдать так сильно, как не плакала никогда даже в раннем детстве. С каждой пролитой мной слезинкой мне становилось легче на душе, но в то же время я чувствовала, что сама себя опустошаю — превращаюсь в стеклянную бутылку из-под молока, которую выставляют ночью за порог, чтобы молочник утром заменил ее на полную. В моем случае «молочником» был Патрик, но даже он бы не смог в эти минуты наполнить мое тело теплом и любовью.

Под вечер, когда мои родители заметили мое отсутствие за ужином, они послали Джулс проверить мою комнату, так как на телефонные звонки я не отвечала. Джулс вначале постучала, а когда я не ответила, попыталась открыть дверь. У нее ничего не вышло, так как та была запертой.

— Вал? — позвала она.

— Пойди прочь! — прокричала я в подушку, а поняв, что она ничего не расслышала, повторила свое требование, повернув заплаканное лицо в сторону двери.

— Что-то случилось? — тревожно спросила сестра.

— Нет! Просто оставь меня в покое.

Джулс не стала настаивать и ушла. К счастью за ней в мою дверь не постучали родители. Видимо, они решили, что это простая подростковая блажь, которая сама собой пройдет, как только мне надоест слушать свой урчащий от голода желудок.

Спустя полчаса после ухода Джулс мой телефон зазвонил вновь. По мелодии звонка я поняла: кто именно мне звонил. И как раз его я меньше всего сейчас хотела слышать. Я схватила телефон, нажала на отбой, а затем и вовсе его выключила. Какое-то время я глядела в черный экран телефона на свое отражение. За моим опухшим от слез лицом виднелась лишь темнота, которая, казалось, будет теперь преследовать меня до конца моих дней. Испугавшись такой участи, я замахнулась и бросила телефон в стену. Ударившись о твердую поверхность, с него слетела задняя крышка, батарея и куча мелких деталей.

Немного придя в себя, хотя моя грудь все еще сотрясалась из-за продолжительного плача, я подняла с пола разбитый телефон. Судя по его плачевному состоянию, ремонту он не подлежал. Единственное, что я могла сделать с ним — это выбросить в урну. Я так и

поступила, предварительно забрав симку и флэшку.

Я хотела лечь заново и попытаться уснуть, когда услышала легкий стук камешка в окно. Не сумев дозвониться до меня, Патрик решил прийти к моему дому. У меня не было ни малейшего желания видеть его и тем более говорить с ним, а потому, я забралась на постель, легла на живот и закрыла голову подушкой, чтобы не слышать этих постукиваний в стекло. Но не ту-то было: спустя минуту удары стали гораздо продолжительнее и громче. Патрик забрался на крышу, как уже делал ранее (в последний раз — прошлой ночью) и уже пытался достучаться до меня с помощью костяшек пальцев.

Поняв, что от разговора с ним мне не убежать, я подошла к окну, распахнула его нараспашку и закричала:

— Пошел прочь! Я не хочу тебя видеть, тварь двуличная!

Лицо Патрика перекосилась так, словно я плюнула ему в лицо. Такая ассоциация мне очень понравилась и я тут же воспользовалась представившимся шансом.

— Вал, что с тобой такое?! — потребовал он от меня ответа, со злостью стирая мой плевок со своего лица. — Я весь день звоню тебе, волнуюсь, а ты меня избегаешь. Да еще встречаешь так, словно мы злейшие враги.

— Я все знаю, понял ты... предатель! Я видела тебя с ней!

— О чем ты го...

— Признайся, подлец! Не будь трусом!

— Вал, я на самом деле не понимаю...

— Как ты мог, Патрик, — уже более тихо выдавила я из себя слова вместе с очередным потоком слез. — Как ты мог! Мы ведь были близки вчера. Я думала, что ты — лучшее, что было в моей жизни, а ты... Ты причинил мне боль.

— Милая, родная моя, — он протянул ко мне руку, желая прикоснуться, так же, как это сделала я вчера во время его откровений об отце, после которых мы впервые занялись любовью. Но я ему не позволила этого сделать, отступив назад. — Позволь мне войти.

— Нет! И речи быть не может. Твоей ноги больше не будет ни в этой комнате, ни в этом доме! Я больше не хочу тебя знать! Проваливай!

В тот момент мне очень хотелось толкнуть его изо всех сил, чтобы он упал с крыши и сломал себе что-нибудь. Но я все же не решилась на этот шаг, так как все еще любила его, да и боялась, что дело может закончиться чем-то и пострашнее перелома.

— Валери, любимая, — снова попытался он заговорить со мной как можно осторожнее и ласковее, надеясь заполучить хоть толику моего внимания.

— Не называй меня так! — закричала я, трясая своими маленькими кулачками у его растерянного лица. — Иди к своей новой пассии и ей признавайся в любви! Я же тебе больше не верю!

— О какой пассии идет речь? — удивление на его лице казалось искренним, но я решила не позволять себя обмануть. Моя доверчивость причинила мне к тому времени уж слишком много неприятностей: вначале я лишилась из-за нее девственности с недостойным человеком, а затем чуть было не подверглась изнасилованию той же личностью.

— Я видела вас двоих! Ты повел ее на наше первое место свидания.... Ты поцеловал ее.... Ты надругался над моими чувствами!

— Ты видела нас с Ирэн?

— Я понятие не имею, как ее зовут и уж точно мне без разницы имя этой девки!

— Вал, это не то, что ты подумала.

— Ну конечно! Ты меня совсем за дуру держишь?!

— Позволь мне все тебе объяснить.

Из-за моих криков, которые могли поднять из могилы даже мертвеца, в мою дверь начали ломиться. Так как она была заперта, попытки прекратились, а взамен начались стуки и крики.

— Валери! Что там происходит?! — прокричала моя мать.

— Дочь, открой дверь! — подхватил отец.

Я поспешила выполнить просьбу отца, поняв, что только так я могу заставить Патрика уйти и оставить меня в покое. Я оказалась права: стоило моим родителям ворваться в мою комнату, как Патрик уже успел спрыгнуть вниз и скрыться в ночи.

Мать обняла меня (чего не делала, бог знает сколько лет) и помогла мне лечь в постель. Отец в это время закрыл окно и задернул шторы. Они желали узнать подробности случившегося. Чтобы хоть немного утолить их любопытство, я сказала им, что рассталась с Патриком, промолчав о причинах. К счастью, им данного объяснения оказалось достаточно, и они принялись меня успокаивать, заверив, что я найду себе парня «из своего круга». Последние слова не были произнесены вслух, но они явно подразумевались.

Меня оставили одну в своей комнате, когда я окончательно перестала плакать, сделав вид что уснула. Но в эту ночь мои щеки так и не высохли от слез, а разум не посетили сновидения. Вместо этого мне пришла, как мне тогда показалось, отличная идея мести.

Включив компьютер, я перебрала запись признания Патрика об его отце на жесткий диск. Воспользовавшись программой нарезки аудиофайлов, я вырезала нужную мне часть, убрав мой начальные признания любви и последующие страстные стоны (повторное прослушивание что одного, что другого причинили мне опять душевную боль). Оставшуюся середину, я загрузила на «фэйсбук» и сделала массовую рассылку всем моим виртуальным друзьям.

Осуществив свою «месть» я выключила компьютер и уложилась спать. Смотря в потолок и улыбаясь, я твердила себе, что поступила правильно и что мой поступок был полностью оправдан. Я хваталась за эту мысль столь долго, сколько могла, но вскоре не удержалась и снова заплакала.

На следующий день весь город гудел от новости, которую я распространила. Эффект превзошел все мои ожидания. Все обсуждали семейство Гринов, и каждый имел свои мысли по этому поводу, как правило — они ограничивались осуждением отца Патрика, а заодно и всей семьи. Нашли даже такие, которые устроили пикет перед их домом, выкрикивая поочередно то требования покинуть город, то оскорбления в адрес всей семьи. После обеда к дому Гринов даже подъехал автомобиль местной службы новостей, желающих взять интервью у кого-то из членов семьи. Миссис Грин не показывалась на улице на протяжении двух дней, и только Патрик пытался спровадить от их крыльца всех незваных гостей. Когда репортер спросил: «Что чувствуешь, когда знаешь, что ты сын убийцы?», Патрик запнулся, покраснел, а затем набросился на телевизионщиков с граблями, которыми он собирал желтую листву с газона. Те успели ретироваться невредимыми, а кадры с Патриком бросившихся на них с рабочим инструментом крутили на протяжении всего дня.

Я видела этот репортаж. Мне было жалко и Патрика, и всю семью Гринов в целом, но в то же время, я придерживалась мнения, что поступила правильно. Я верила, что Патрик получил по заслугам и во всем винила только его. Ведь это он изменил мне с другой. А потому он должен был понести за свой поступок наказание.

Патрик, а следом за ним и миссис Грин потеряли работу. И не потому, что их уволили, а потому что устали слушать за спиной смешки, обвинения, а иногда и открытую злобу в свой адрес. Раньше мало кто в городе обращал внимание на их семью, но при встрече с ними обязательно здоровались, теперь же они у всех были на виду, да только пожеланий «доброе дня» поубавилось.

В одну из ночей «ирландец» вновь появился под моим окном. Только в этот раз он не стал кидать камешки в стекло, а сразу же принялся кричать:

— Вал! Зачем ты так со мной поступила?! Я ведь любил тебя, Вал!

Да, именно «любил» он сказал. И данное слово, произнесенное в прошедшем времени, кольнула меня прямо в сердце. Была ночь, я легла спать, а потому в моей комнате не горел свет. Я осторожно поднялась с постели и подошла к окну. Он не мог меня видеть, но и я различала с трудом его силуэт. Судя по его голосу — он был пьян.

— Я ведь хотел быть с тобой, заботится о тебе...завести семью. — Каждое слово он произносил все тише и тише, затем замахнулся и выбросил что-то в сторону, скорее всего — бутылку. — Ты предала меня. Теперь я не знаю, как мне быть дальше. Все пошло наперекосяк.

Мне хотелось открыть окно и вступить с ним в спор. Заявить, что это он первым предал меня и что он виноват в том, что с ним сейчас происходит, но я сдержала свой порыв.

— Я верил тебя. Больше чем самому себе. Ты разбила мне сердце, испортила жизнь... Ладно мне, но моя мать и Марти были не причем!

И снова в моем сердце кольнуло от его слов. Здесь он был прав: о его матери и брате я не подумала, когда делала рассылку аудиофайла. В свое оправдание я могу сказать, что в те минуты я просто не могла размышлять здраво и просчитывать наперед последствия моего поступка.

— Вал! Ответь мне! Я хочу поговорить с тобой. Мне нужно все тебе рассказать. Мне это необходимо. Пусть даже это будет наш последний с тобой разговор....Вал!...Вал!!!

Входная дверь нашего дома распахнулась, после чего я услышала грозный голос отца:

— Патрик! Иди домой и проспись! Кончай кричать, а то разбудишь всю округу!

— Я должен с ней поговорить, мистер Стоун! — ответил он моему отцу, заплетающимся языком. — Вы ничего не понимаете! Мне надо ее увидеть!

— Уходи, пока я полицию не вызвал! — пригрозил отец.

— Весь город ополчился против нашей семьи! А вы знаете как это тяжело, мистер Стоун? Знаете, как неприятно слышать оскорбления в свой адрес из-за того, что ты не совершал?! Да, мой отец — убийца! Это горькая правда! Но, ни я, ни моя мать, ни мой братишка не виноваты! Мы просто хотели забыть обо всем и жить нормальной жизнью, как все вы! И мы не единственная семья в этом городе, которая имеет «скелет в шкафу»! В этом можете не сомневаться!

— Патрик, в последний раз предупреждаю — покинь мою лужайку! — оставался непреклонным мой отец.

— Ладно, я ухожу, — вздохнул Патрик. — Все равно, все это уже не имеет ни малейшего смысла.

Патрик развернулся и неторопливо зашагал домой. Его фигуру, с поникшей головой и со сгорбленной спиной, освещали фонари. Я следила за ним, пока он не исчез во тьме, до которой не дотянулся искусственный свет.

Спустя три дня, кто-то из местных подростков-шутников наклеил на всех фонарных столбах листовки с фотографией Патрика и с надписью под ней: «У рыжих нет души. Его отец это наглядно доказал». Эти листовки висели на протяжении целого дня, на обозрении зевак, пока Патрику не удалось снять их все. Я не видела, как он этим занимался, но слышала от двух-трех очевидцев.

На четвертый день дом Гринов забросали яйцами и туалетной бумагой. Был ли в этом замешан Роб Нельсон? Не могу сказать наверняка. Но его участие в этом меня бы не удивило.

На пятый день у дома Гринов появилась полицейская машина, как раз в то время когда миссис Грин с сыном смывали стены и окна дома от яичных внутренностей и скорлупы. На Патрика поступило заявление: якобы он был виновен в краже некой суммы денег из дома одного из самых богатейших семейств города. Как не пыталась оправдать своего сына, у миссис Грин ничего не вышло — полиция увезла с собой Патрика. К счастью ареста не последовало — он вернулся домой спустя три часа. Никаких улик, указывающих на него — напрямую или же косвенно — у полиции не нашлось. А вскоре дело и вовсе закрыли, по той простой причине, что деньги нашлись. Оказалось, что хозяева денег перепрятали их так, что и сами забыли, куда их положили. На вопрос полиции: «почему они в таком случае обвинили в краже именно Патрика?», те, без малейшего стеснения ответили:

— Он ведь сын убийцы. К тому же, у него всегда была дурная репутация.

Семейство Гринов так и не дождалось извинений с их стороны за причиненные неудобства.

Видимо это была последняя капля, после которой семья Грин покинула наш город, уехав в неизвестном для всех бывших соседей направлении. И как бы я не страдала из-за их отъезда, я беспрерывно повторяла себе, что так было лучше для всех. Грины больше не будут подвергаться нападкам со стороны горожан, а я — быстрее забуду рыжеволосого «ирландца», чья фамилия прекрасно сочеталась с цветом его глаз.

Спустя полгода после отъезда семейства Гринов из нашего города, когда мое разбитое сердце начало затягивать раны, оставляя на их месте только шрамы, я нашла в нашем почтовом ящике среди счетов и рекламных буклетов письмо без адреса отправителя. Предназначалось оно мне. Я догадывалась — от кого оно могло быть, хотя полной уверенности в этом у меня не было. Патрика я помнила и даже где-то глубоко в душе продолжала любить и тосковать по нему. Но к этому времени у меня появился новый парень. Его звали Вик и он совсем не был похож на «ирландца»: он был брюнетом с карими глазами из обеспеченной семьи и с полным отсутствием музыкального слуха. Он учился на первом курсе университета и мечтал стать в будущем первоклассным юристом. Увлекался он спортом и играми в тотализатор. Вик часто выигрывал, делая точные прогнозы на бейсбольные, футбольные и баскетбольные матчи.

Он мне нравился, но я не чувствовала рядом с ним того же, что было с Патриком. Бабочки в моем животе уже не порхали. Мы часто с ним ходили в ресторан, в ночные клубы и боулинг. Но с Виком я ни разу не посетила территорию карьера, не запустила в ночное небо китайские фонарики, не сыграла для него на пианино, не почувствовала его рук на своих бедрах при созерцании океанских волн. И я рада, что этого всего не было. Потому что карьер, пианино, фонарики и океан принадлежали не нынешней мне и Вику, а — прошлой мне и Патрику.

Поднявшись в свою комнату, я положила письмо на комод, а сама в это время включила компьютер и забыла о времени на долгие три часа. После я отправилась на кухню, чтобы перекусить чем-то съестным из холодильника. Не найдя помидор, я вызвалась добровольцем отправиться в магазин за покупками. Таким образом о письме я вспомнила ближе к закату дня. Включив телик на музыкальном канале, я неторопливо принялась распечатывать письмо. Когда мне удалось вытащить из конверта лист бумаги и начать читать, я позабыла обо всем на свете, а в конце письма не смогла сдержать эмоций и разрыдалась.

Как я и предполагала, отправителем был Патрик Грин.

«Привет, Вал.

Надеюсь, ты прочтешь это письмо, прежде чем порвешь его на мелкие кусочки, выкинешь в окно или же предашь огню. Хочу верить, что когда это письмо дойдет до тебя, ты уже не будешь держать на меня столь сильного зла, кое я видел в твоих глазах при последней нашей с тобой встрече. Я в каждый день вспоминаю тот вечер и спрашиваю себя: как бы сложились наши с тобой отношения, если я тогда бы настоял и рассказал всю правду? Наверняка — это много что изменило: мы бы с мамой и Марти не переехали, а ты — до сих пор была бы моей девушкой. Я не знаю: так бы это было или нет, но я хочу в это верить всем сердцем.

А еще я хочу рассказать тебе о том дне, когда ты решила, что я предал тебя, изменив с другой. Прошу, позволь мне объясниться хотя бы сейчас, когда я от тебя очень далеко. Для меня это очень важно, пусть даже для тебя — не слишком. Не откажи мне в последней к тебе просьбе и прочти это письмо до конца.

Ирэн — девушка из центра по борьбе с онкологическими заболеваниями. Я часто с ней виделся в больничных коридорах и во время химеотерапии, когда Марти ставили

капельницу».

Я тут же вспомнила девушку в косынке, которую видела и сама, когда приходила вместе с Джулс в больницу. Ирэн смотрела на меня с грустью и даже завистью в глазах.

«Мы с ней сдружились. Не удивительно, ведь мы виделись очень часто. Они с Марти не редко поддерживали друг друга во время борьбы с недугом. Но дальше больничных стен наше общение никогда не выходило, за исключением того единственного раза.

В тот день мы с мамой узнали, что новое лекарство прекрасно борется с болезнью Марти. На сегодняшний день он почти здоровый пацан — с отросшими волосами и прибавивший слегка в весе. Я начал его обучать игре на гитаре и отбивать мячи, как того и желал. И скажу тебе без преувеличения — у него получается и то и другое гораздо лучше, чем у меня в его годы. То, что он начинает жить обычной здоровой жизнью не только заслуга врачей, но и ваша с Джулс. Вы помогли нам справиться с недугом и подарили Марти шанс на новую жизнь. За это я буду вам благодарен до конца своих дней, несмотря ни на какие обстоятельства. Вы подарили нам надежду и благодаря семье Стоунов мы с мамой и братом знаем: в этом мире есть гораздо больше хороших людей, чем многие думают.

В тот же день, когда Марти пошел на поправку я узнал от Ирэн, что ее дела наоборот — идут очень плохо. Она сдалась, и рак распространился по всему ее телу. Врачи давали ей не больше двух месяцев. Мы сидели в кафэшке при больнице и она, рыдая, поведала мне свою горькую правду. А еще призналась, что в свои шестнадцать лет ни разу не встречалась с парнями и не знала, что чувствуешь во время поцелуя. Она попросила меня стать ее «любимым» хотя бы на два часа. Я не смог отказать ей в этом. Мы покинули больницу, чтобы ее стены не тяготили над ней и не напоминали без конца о ее трудном положении. Прогоулявшись по улице, держась за руки, она попросила меня показать какое-нибудь место в городе, которое надолго ей запомнится и она будет вспоминать о нем в свои последние часы на земле. Более подходящего места, чем карьер, я не смог придумать. Там, сидя перед обрывом, она попросила меня о первом и последнем поцелуе в своей жизни. Я дал ей то, что она просила: для меня тот поцелуй ничего не значил, а вот для нее — это было исполнение одного из списка сотен желаний, которым не суждено сбыться.

В этом и состоит правда, которую я хотел тебе поведать и которую, я надеюсь, ты теперь знаешь. Жаль, что у меня не было возможности сказать тебе это все напрямую. Но я рад, что у меня есть хотя бы возможность объясниться с помощью письма. Если ты его прочла — я надеюсь у тебя хватит сил простить меня, ну а если же я все это время говорю с языками пламени, что доедают бумагу, на которых написаны эти слова, тогда я просто пожелаю тебе всего наилучшего, а еще найти того единственного, который будет достоин тебя. Ведь ты, Валери Стоун — лучшее, что было в моей жизни.

С любовью, Патрик».

Я плакала и целовала каждую букву письма. Я читала его снова и снова. Я прижимала его к груди и просила о прощении у пустоты, которая была в моей комнате и у пустоты — в моем сердце. Я молила Бога, чтобы он дал нам с Патриком еще один шанс, но каких-либо предзнаменований, которые бы подтвердили, что мои мольбы были услышаны, я так и не дождалась. Все окружающее меня оставалось прежним, и только я менялась на глазах, становясь чуточку взрослее и чуточку умнее, и по-прежнему несчастной.

Уснула я, прижимая письмо к груди, а наутро побежала к дому, где раньше жили Грины. Все эти полгода он пустовал и, судя по своему мрачному виду, он был далеко не рад меня

видеть. Мне казалось что я даже слышала его укорительные слова: «Из-за тебя обо мне все позабыли и давно перестали ухаживать. А ведь у меня уже крыша начала протекать, петли на дверях совсем проржавели, да и лужайка перед домом заросла травой». Крыть мне было нечем. Я пристыжено удалилась, оставив тосковать опустевший дом по хозяевам дальше.

Спустя десять минут я оказалась у здания мэрии. Там я хотела разузнать: куда отправились Грины, после чего покинули город. К сожалению, никто не смог ответить мне на данный вопрос. А раз такой информацией не владели люди, работающие в мэрии, тогда мне никто бы не смог помочь.

Так, да не так.

К счастью мне пришла на ум идея заглянуть вначале на мойку, где раньше работал Патрик (но там мне тоже ничем не смогли помочь), а затем — и в ночной клуб, в котором я играла на фортепьяно, а Патрик — на гитаре. Мне удалось найти хозяина клуба — Джона. Он мне и рассказал, что за день до отъезда Патрик заглянул к нему и напомнил о предложении Джона свести его с группой из Финляндии, которой требовался гитарист.

Trolls and Hunters. Название группы я вспомнила практически сразу.

— Берусь предположить, что они перебрались обратно в Европу, — сказал Джон. — Но Патрик наверняка не сидит на месте и гастролирует по разным городам. Слышал, что эта группа приобрела популярность и теперь редко выступает в — похожих на мой — клубах. Теперь у них многотысячные залы. Попробуй поискать на «YouTube», наверняка что-то найдешь.

Советом Джона я воспользовалась сразу же, как вернулась домой. Я нашла в Инете около десяти концертных записей группы «Trolls and Hunters» и огромное количество любительских клипов. Видео с концертными записями имели под один миллион просмотров и десятки тысяч комментариев. Большинство из них принадлежали девочкам пубертатного периода, которые признавались в любви участникам коллектива. Среди таких комментариев нашлись и те, что были адресованы Патрику. "Кто-нибудь знает имя рыжего парня? Подскажите, пожалуйста, мне очень надо знать!"; «Классная группа! Я в восторге. Особенно мне нравится гитарист-симпатяшка»; «Патрик я хочу от тебя детей, таких же рыжих, как и ты!», и многие другие в таком же ключе.

Прочитав несколько подобных комментариев и испортив себе настроение, я принялась смотреть видеозаписи. Львиную долю внимания оператора забрал себе вокалист группы. А вот второе место разделили между собой Патрик и барабанщик. Песни у них были неплохие, хотя, признаться, я мало что смогла расслышать, так как меня гораздо больше занимало желание уловить каждый кадр с моим «ирландцем». И в каждый раз, когда камера показывала его, мое сердце начинало учащенно биться. Во всех кадрах он смотрел на струны своей гитары, а мне так сильно хотелось увидеть его глаза.

Прослушав два концертных выступления, каждое из которых длилось больше часа, я решила написать свой комментарий под видео, надеясь, что Патрик прочтет его. А если не он сам, то кто-то из группы и сообщит ему об этом.

Я написала, как меня зовут и о том, что очень сильно хочу поговорить с Патриком, что номер моего телефона был все тем же, а вот его номер я удалила, а восстановить его у меня не получилось. И если Патрик прочтет данное сообщение — пусть позвонит мне.

Я проверяла ответ на свой комментарий через каждый час. Мне уже начали отвечать, правда — не тот, кого я ждала. В основном писали малолетние фанатки, которые подвергали сомнению правдивость моих слов и не упускали возможность кинуть в мой адрес

скабрзную шуточку. В полемику с ними я не стала входить, так как понимала, что ничем хорошим эти перебранки в Инете для меня не закончатся.

На следующий день я с трудом нашла собственный комментарий, так как новые сообщения под видео не переставали поступать, после чего я поняла, что моя попытка не увенчается успехом, и Патрик не прочтет моего сообщения. Это все равно, что искать иголку в стоге сена.

Мне было нужно найти другие способы связаться с Патриком. И единственное, что мне приходило на ум — написать песню и выложить ее так же на «YouTube». К счастью, в последние дни в моей голове вертелась некая романтическая мелодия, которая требовала к себе большего внимания, дабы из простых обрывков превратиться в полноценное музыкальное произведение.

Ради этого я договорилась с владельцем ночного клуба Джоном, что он будет позволять мне играть на пианино по одному часу в рабочие дни недели до открытия заведения для клиентов. На протяжении десяти дней я пыталась превратить песчинки нот в музыкальную жемчужину, а затем в течение еще трех дней занималась ее огранкой и шлифовкой, пока конечный результат меня полностью не удовлетворил. А уже на пятнадцатый день, я принесла в клуб камеру, поставила ее поверх пианино и приготовилась исполнить придуманную мной музыку под запись.

— Здравствуй, Патрик. Через это видео, я хочу попросить у тебя прощение и сказать, что была не права, — произнесла я, глядя в объектив камеры. — Очень надеюсь, что ты не только услышишь эту мелодию, которую я придумала о нас и для нас, но и что она тебе понравится. Называется произведение просто: «Я люблю тебя, Патрик Грин». Исполняет автор — Валери Стоун.

Я заиграла, и камера на протяжении чуть более трех минут записывала каждую ноту и каждое мое движение. Дома я пересмотрела запись три раза, выскивая шероховатости. Если они и были, то не слишком значительные.

На протяжении всех пятнадцати дней, вплоть до заливки видео на просторы всемирной паутины, я безоговорочно верила в состоятельность своего плана. Меня не посетила ни разу мысль, что Патрик не увидит данное видео и не свяжется со мной. Все то время я прибывала в ареоле некоего волшебства, которое должно было мне помочь. Но оно начало быстро гаснуть, стоило моей видеозаписи оказаться среди миллионов таких же любительских видео, а также среди невероятно-популярных профессиональных клипов, таких как у «PSY».

Шли дни. Недели сменяли недели. Я отпраздновала свой самый грустный восемнадцатый день рождения. Я рассталась с Виком. Поссорилась с матерью. Снова начала отдаляться от Джулис. Другими словами: вернулась к той жизни, которая была у меня до нашего с Патриком знакомства.

Мое видео медленно набирала просмотры. Появлялись комментарии — в основном положительные. Но среди них не было того, ради которого все это делалось. В день, когда я тебе все это рассказываю, мой воображаемый друг, у моей композиции больше двадцати пяти тысяч просмотров и около сотни комментариев. Но все они не имеют для меня ни малейшего значения. Все было в пустую. Мои попытки найти Патрика потерпели крах. Видимо, такова моя судьба — обрести любовь всей своей жизни, а затем потерять ее из-за собственной глупости.

Сегодня я собираюсь пойти поведать Ирэн Керли. Этой девочке навсегда предстоит остаться шестнадцатилетней. При жизни я ее не знала, но она сыграла важную роль в моей

судьбе. И то, что эта роль «разлучницы» — не ее вина. Она просто хотела узнать, что такое любовь, прежде чем ее жизненный путь оборвется в самом начале. И я рада, что Патрик смог подарить ей хотя бы мимолетную, но столь необходимую иллюзию этого прекрасного и всеобъемлющего чувства. Надеюсь, ей понравятся белые розы, которые я для нее купила. Это единственное, что я могу для нее сделать. А вот она наверняка сможет сделать для меня гораздо большее. К примеру, молча выслушать все то, что весит грузом на моем сердце. Кто знает, возможно, она и есть тот воображаемый друг, с которым я все это время вела разговор.

Моя история завершена. К сожалению, хэппи-энда в ней нет. Но я успокаиваю себя и твержу, что в каждой истории — даже самой грустной — можно написать два обнадеживающих слова: «Продолжение следует»...

Привет, мой друг. К сожалению, я тебя никогда не видел, да и навряд ли увижу. А все потому, что тебя выдумала одна моя знакомая. Да, ты просто плод ее воображения, смирись. И только с тобой и с ней я могу быть предельно откровенным. Только вам двоим я могу поведать свои сокровенные тайны, рассказать какую-нибудь глупость или же высказать все, что у меня наболело. Вы меня никогда не предадите. Мое имя Патрик. Патрик Грин. И я без ума от своей девушки Валери Стоун. Кстати, именно она выдумала тебя, воображаемый друг. А еще она придумала шикарную мелодию, которая стала гимном нашей любви.

Мои с Валери отношения нельзя назвать во всем идеальными. На нашем пути встречались много преград и тяжелых испытаний. Но мы выстояли, а если кое-где споткнулись и упали — все равно поднялись, отряхнулись и пошли дальше. Именно так рождается настоящая любовь. Я это знаю, а потому ценю это чувство больше всего на свете и не хочу с ним больше расставаться. А если в дальнейшем на нашем жизненном пути вырастут новые преграды, мы осилим их вместе, я это знаю, потому что нашу любовь уже ничто не разрушит.

Ну а пока, у нас все хорошо. Я бы даже сказал — великолепно. У нас есть родители, которые понимают нас и поддерживают во всем. У нас есть младшие брат и сестра, у которых впереди взросление, первая любовь и свои преграды и испытания. У нас есть работа и увлечения, которые приносят нам не только достойный заработок, но и удовольствие. А главное — мы есть друг у друга. В этом и заключается счастье.

Единственное, что мне осталось добавить это: я люблю тебя, Валери Стоун!

Больше книг на сайте - Knigoed.net